AYLIK MECMUA

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ŞİMALİ·KAFKASYA
СЕВЕРНЫЙ·КАВКАЗ
LE CAUCASE DU NORD — NORTH CAUCASIA

№ 23 mart — 1936 — март № 23

İÇİNDEKİLER — СОДЕРЖАНИЕ

KALEM HAKKI VERİLMEZ
EL YAZILARI İADE EDİLMEZ

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ
РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

„ŞİMALÎ KAFKASYA"
MECMUASININ ABONE ŞARTI:

	6 aylık	1 yıl
Avrupanın her memleketinde . . .	0,75 dol.	1,5 dol.
Yakın ve Uzak Şarkta, Afrika ve Amerikada.	1 dol.	2 dol.

Tek nushası 3 transiz frankı.

Abone hakları mecmua müdürünün aşağiki adresine gönderilmelidir: Odyńca 35 Warszawa 12, Pologne.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ЗА ЖУРНАЛ
„СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ" СОСТАВЛЯЕТ:

	на 6 мес	на год.
Во всех странах Европы	0,75 долл.	1,5 долл.
В странах Ближнего и Дальнего Востока, Америки и Африки . . .	1 долл.	2 долл.

Цена отдельного номера 3 фр. фр.

Подписную плату следует посылать по адресу редактора журнала: Odyńca 35 Warszawa 12, Pologne.

ŞİMALÎ ◆ KAFKASYA
СЕВЕРНЫЙ ◆ КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD | ОРГАН НАРОДНОЙ ПАРТИИ ГОРЦЕВ КАВКАЗА | NORTH CAUCASIA

№ 23 МАРТ — 1936 — МАРТ № 23

Abdül-Hamid Thosta'nın şahsında, Şimalî Kafkasya, en iyi evlatlarından birini kaybetmiş oldu. Merhum, Mısır'daki muhaceretimizin ileri gelen ve faal bir azası idi. Bilhassa, „Çerkes Kardeşlik Cemiyeti" nin teşkili işinde büyük rol oynamış ve vakıtsız ölümüne kadar bu teşkilatın riyasetinde bulunmuştu. Merhum, Kafkasya'nın er-gec hürriyetine kavuşacağına derin bir iman besliyerek eski, yeni muhaceretimizin tekrar kendi vatanını elde edecegine inanmıştı. Bu imani digerlerinde dahi kuvvetlendirmege çalışarak bu suretle Mısır'daki muhaceret arasında millî ruhun takviyesine çalışıyordu. İyi kalbli bir insan olduğu için muhtac vatandaşlara yardunda bulunuyor, bilhassa henüz Mısır şeraitine alışamıyan ve ilk sıralarda müşkülat çeken yeni muhacirlere her türlü iyilik ve yardım göstermeğe çalışıyordu.

Mısır'daki kardeşlerimizin elemine iştirak eden yazı heyetimiz ve iş arkadaşlarımız, merhum Abdül-Hamid'ın ailesine ve „Çerkes Kardeşlik Cemiyeti"ne samimî taziyetlerini beyan eyler.

Kahire'deki „Çerkes Kardeşlik Cemiyeti"nin reisi—

ABDÜL-HAMİD THOST

1936 nın 4 Martında 50 yaşında iken vefat etmiştir.

АБДУЛ-ГАМИД ТХОСТ

председатель „Ассоциации Черкесского Братства" в Каире. Скончался 4 марта 1936 года 50-ти лет от роду.

В лице Абдул-Гамида Тхоста Северный Кавказ потерял одного из лучших своих сынов. Покойный был виднейшим и деятельнейшим членом нашей эмиграции в Египте. Особенно большую роль сыграл он при организации „Ассоциации Черкесского Братства", на посту председателя которой застигла его преждевременная смерть. Покойный твердо верил, что Кавказ рано или поздно вернет себе свободу и наша эмиграция, старая и новая, опять обретет свою Родину. Веру эту он поддерживал и в других, укрепляя этим национальный дух среди наших собратьев в Египте. Обладая добрым и отзывчивым сердцем, он всячески старался помогать нуждающимся собратьям. Особенной заботой окружал он представителей новой эмиграции, которым в непривычных для них условиях Египта приходилось по началу весьма тяжело.

Разделяя скорбь братьев в Египте, редакция и сотрудники наши выражают родным покойного Абдул-Гамида и „Ассоциации Черкесского Братства" свое глубокое соболезнование.

B. Bilatti

MÜŞTEREK EMNiYET ZiMANI

Her türlü barışıkcılık emellerini kendinde toplayan ve büyük harbden sonra beynelmilel hayat kuruluşunda en maruf bir şiar olan ve böyle olduğu için de muhtelif beynelmilel toplantı ve kongralarda daima münakaşa, müzakere mevzuu olamaktan kurtulamıyan müşterek emniyet zimanı mes'elesi, bizi de bu mekale ile kendisinden bahs etmek mecburiyetinde bırakıyor.

Emniyet işinde iştirakcılık fikrini doğuran harb ve barış mes'elesi, hayat kadar eski bir tarihe maliktir. Bu, ta kadim zamanlardenberi beşer düşüncesini meşgul etmiş ve onu, beynelmilel hayattan harbi temamen kaldırmak olmasa da hiç olmasa ehemmiyetini asğerî bir dereceye indirmek için muhtelif yollar, çareler ve metodlar aramak yolunda şiddetli bir çalışmaya sevk etmiştir.

Hukuku düvel, işte bu denemeler neticesinde vücude gelmiş ve milletler tarafından tesbit edilerek tanılan hukuk kaidelerile milletlere askerî çarpışmalara girmeden sülh havasi içerisinde beraber çalışmak şartlarını yaratmak isteyen beşer tefekkürü hamlelerinin mantıkî bir neticesi olmuştur. Bu suretle, ayni zamanda milletler hukuku adını da alan huhuku düvel, beynemilel münasebatın hukuk esaslarına dayanan kaidelerle tesisine çalışmak suretile musallah ihtilafları ortadan kardırmaga, daha doğrusu tahdid etmeğe yarayacak bir vasıta olacaktı.

Bu hukukî, sırf nazarî, çok zaman mücerred bir evsafi haiz ve böyle olduğu için de ekseriyetle pratik ehemmiyetten mahrum vaziyet yanında, bütün beşer tarihi boyunca, mes'eleye daha reyel yanaşma denemeleri de yapılmış, ve bu denemeler bütün devir ve nesilleri canlı bir surette alakalendirmekten hali kalmamıştır. Bu sahadeki beşer çalışması iki yol üzerinde yürümüştür: Bir taraftan muhtemel harblerde en fazla ehemmiyet kazanacak silahların inkişafını felce uğratmak yolunda gayret sarf edilmiş, diger taraftan da, bütün yahud bir çok devletlerin müşterek gayretile barışı müdafaa etmek işi yolunda çalışılmıştır.

Kısmen silahtan boşanma tedbirlerine ortaçağda dahi tesadüf etmekteyiz.

Meselâ, XIII ci asırda harb felaketlerini hafifletmegi düşünen milletler, kadim silahları kullanmamak taahhüdü altına girmişlerdi. XV ci asırda ağır silahların kaldırılmasına teşebbüs edilmişti. XVI ci asırda ve sonraları ise barışıkcılık idelerinin tesirile beynelmilel, hukuk tefekkürü alelumum topu ortadan kaldırmak ve bu suretle bu tip silahın ileride süratle inkişaf etmesine mani olmak yolunda çalışmıştı.

Gerek ayrı ayrı şahıslar (XVII ci asırda Emeryc Cruée ve de Sully, XVIII ci asırda Saint-Pierre v. digerleri) ve gerekse beynelmilel kongra, toplantılarının (Mukaddes itilaf, 1889 den itibaren hemen hemen her sene toplanan sülh kongraları diger tabirle Parlamentoları birlikler, sosyalist kongraları v. s.) teşebbüs ve gayretile ortaya atılan bütün barışıkcılık projeleri üzerinde durmiyacağız. Mekalemizin, hacmi bu gibi bir tahlile girişmemize müsaid degildir. Şu kadar söyliyelimki, yapılan bütün projelerin hepsi şu ve ya bu suretle harb ve barışın karışık ve çetin mes'elesinin halline çalışmış ve ebedî barışın mücerred bir mefhum olmaktan kurtulması için ne gibi esasli ve derin degişiklikler yapmak icab ettiği hususunda reçeteler vermişlerdir.

Asırlar boyunca yapılan bu teşebbüs ve hamleler, beşeriyete gelecege az da olsa nikbin bir nazarla bakmak imkânını bahş eden asğerî bir derecede olsun kücük bir muvaffakıyetle neticelenmişmidir?

Elbette hayır! Son asırların dahşet verici harbleri bu hususta hiç bir şüpheye yer vermiyor. Bu harbler, bize barışıkcılık nazariyelerinin gayri makul ve sözden ibaret bir şey olduğu kanaatını vermekten başka bir şeye yaramıyor. Böyle olmakla beraber, son 20 yıl zarfında barışıkcılık cereyanlarının kuvvet bulduğuna şahid olmıyor degiliz. Bunu nasıl izah etmeli? Gayet kolay. Bu cereyanların canlanması hiç şüphesiz, kendi dehşet ve feci neticelerile barışıkcılık propagandasını kolaylaştırmış olan harbi umûmiye atf edebiliriz. Daha harbin ilk senelerinde sayısız derecede kurbanlar veren halkın ruhunda hüsule gelen degişiklik ve harbin ağırlığı barışıkcılık propagandası için çok müsaid bir zemin yaratmıştı.

Harbi bitirmeğe çağıran ilk sesler 1915 de yükseldi. Bu sesler, şimalî-amerika barışıkcı teşkilatları tarafından yükseliyordu. 1777 nin birleşik teşkilati esasiye kanununun, şimalî-amerika hükûmetlerinin biri birine yardım etmek ve mütekabilen emniyeti temin etmek esasından kuvvet alarak, bahsi geçen teşkilatlar, bu teşkilati esasiye kanununun kaidelerini avrupa vaziyetine tatbik ederek „âdil bir sülh" yapılmasını ve beynelmilel münasebatın bu esaslar üzerinde kurulmasını taleb ediyorlardı. En fazla dikkate deger nokta şuki, amerika barışıkcıları müstakbel barışık mes'elesini, müstakbel silahtan boşanma mes'elesile sıkı sıkıya bağlıyor ve kendi projelerinde istikbalde dahi barışın muhafazası gayesile müşterek emniyet zimani fikrini ileri sürüyorlardı.

Kendi barışıkcılarının talebi yolunca giden şimalî-amerika hukuku düvel Institosu 1916 nın Son Kânun'unda „milletlerin hukuk ve vazifeleri beyannamesi" ni kabul etti. Bu beyannamede, deniliyorduki: bütün devletler mevcud hudutlar dahilinde kendi hak ve istiklallerine mütekabilen hürmet etmege ve bunun muhafazasına çalışmağa mecburdurlar.

İşte, bu beyanname Vilson'un 14 madde ile ifade edilen ve harbin bitüb de barışın başlamasını ileri süren maruf tezlerine temel olmuştu. Diger tabirle, bu 14 madde, yeni ve daha âdil siyasî nizam vücude getirmek gayesile dünyanın yeni siyasî kuruluşuna başlamak için bir hareket noktasi gibi düşünülmüştü. Şunu da kaydedelim ki, bizi şimdiki halde alakadar eden müşterek emniyet zimanı fikri en olğun ve tam şeklini bu 14 madde ile bulmuştu. Çünkü bu maddeler ayri ayri devletlerin mülki temamlığı, siyasî istiklâlı ve bilahere Milletler Cemiyeti adını alan devletlerin müteşekkil çalışmasını temin etmek gibi esasları ihtiva ediyordu.

Vilson'un formülleri, ilk şeklinden farklı olarak, degişmiş şekilde tatbik edildi ve bunun neticesi ola

rak da Versay muahede sistemi adile yadedilen vaziyet teessüs etmiş oldu.

Versay muahede sistemi Vilsonun istedigi „zafersiz barış" ve „hukuk sülhten daha kıymetlidir" prensiplerinden çıkan fikri temeller üzerinde değil, her türlü idealizm ve insaniyet fikirlerini rededen reyal kuvvet prensipi üzerinde kurulmuştu. Bunun içindirki, harbin sebebini teşkil eden şiddetli husumet hislerinin yatışacağı ve sükûnet bulacağı beklenirken, bilakis, büyük bir emekle elde edilen barış, beynelmilel münasebetleri daha fazla gerginleştirdi ve milletlerin uyuşmasına engel olan uçurumu daha ziyade genişletti.

İhtilafli mes'elelerin üstünkörü ve âdilane olmaktan çok uzak bir şekilde halledilişi tabiatile, ortalığın sükûnet bulmasına yarıyamazdı. Sülh esaslarının fevkalâde zayif olduğu ciheti, zaten bu barış yapılırken anlaşılmıştı. Şöyleki, Versay muahedesi, bir sıra sülh muahedelerile ve bunlarla sıkı bir surette bağlı bulunan Milletler Cemiyeti misakı ile beraber beynelmilel münasebata galibler, mağlublar, tam haklı, yarı haklı devletler diye barış için tehlikeli bir tasnifat sokmuş ve ötedenberi olğun şeklini bulmuş milletler mes'elesini geniş surette hal etmeden bırakmıştı.

İşte bu suretle yapılan, barış daha dogrusu, gene ayni suretle devletleri büyük, küçük, birinci, ikinci dereceli diye ayıran Viyana kongrası ananesinin yeniden ihya edilmesi neticesinde Versay muahede sistemi ve Milletler Cemiyeti misakı, beynemilel ihtilaflar için yeni ocaklar vücude getirdi ve husumet ve rakabet için daha tehlikeli vesileler yaratarak beynemilel münasebata yeniden itimatsızlık, nefret bollugu getirdi. Umumî barış menfaatını koruması ve bütün devletlerin ayni müsavi derecede beynelmilel hukuk kaidelerine riayetini temine çalışması icab eden Milletler Cemiyeti müessesesi, bu sıfatını gaybederek kendi hususî menfaatlerini güden bir kaç büyük devletin elinde alet olan bir nevi Mukaddes itilaf halini aldı. Cenevre yüksek mekamının bilhassa ihtilaflı mes'elelerin hallinde nüfuzunu gaybetmesi hep bu yüzdendir.

Milletler cemiyetinin organik zafiyeti, tesisinin daha ilk yıllarında bütün aydınlıgı ile ortaya çıkmış bulunuyordu. Bu vaziyeti gören Cemiyet müessisleri siyasî status quo'yu muhafaza etmek gayesile kendi emniyet işlerini takviye için ilave bâzi, çare ve vasıtalar aramak mecburiyetinde kalıyorlar. Zaten bu ilave vasıtalar Millet Cemiyeti daha yeni teşekkül halinde iken aranmağa başlanmıştı.

1920 de Milletler Cemiyeti yanında silahtan boşanma mes'elelerile meşgul daimî komisyon vardı. Buna bakmıyarak 1921 de gene ayni mes'elerle ugraşacak muvakkatı muhtelit komisyon adı altında yeni bir teşekkül ortaya çıktı. Bir sene sonra 1922 de Kan'da bir kongra toplandı ve bu kongra, „devletler, kendi komşularına taarrüz yapmıyacakları hakkında taahhüd altına girmelidirler" diye bir de karar kabul etti. Cemiyetin bundan sonraki karar ve mukarreratı hep bu fikrin teyidile ugraştı.

1923 de Rapallo muahedesi imzalandı. Malûm aykırılığa ragmen, imza edenler bu muahede ahkâmına bugüne kadar riayet etmek taahhüdü altında bulunmaktadırlar. Bu muahede, şimdiki Avrupa hudutlarının olduğu gibi kalmasına taraftar olanlar arasında daha fazla bir endişe uyandırdı. Ve Rapalloya cevab olarak Avrupa'nın garbinde Lokarno muahedeleri yapıldı.

Buna ragmen, Milletler Cemiyeti 1927 de harb aleyhine müteveccih müşterek bir karar kabul ediyor, 1928 de ademi tecavüz ve karşılıklı yardım muahedeleri için—Modèles de traités de non agressionet d'assistance mutnelle diye bir örnek tesbit ediyor. Ayni yılda Kellog misakı imza ediliyor ve misakı imza eden devletler bu suretle harb etmekten imtina ederek karşılıklı ihtilafları barış yolu ile halletmegi taahhüd ediyor. 1929 de Kellog misakına göya bir ilave olmak üzre beynelmilel ihtilaflarda hakem prensiplerini tesbit eden „Acte géneral d'arbitrage pour le réglement des conflicts internationaux" akti imza ediliyor.

Müşterek emniyet zimanı yolu ile barışın muhafazası için sarf edilen emek ve yapılan faaliyet, hep ayni fikir ve maksatları ihtiva eden yukarıdaki misallere munhasır kalmış degildir. Nisbî bir bütünlük vücude gelmesi için Vaşingtondakinden başlayüb Londra dakine kadar vuku bulan deniz kongralarını, ayni zamanda Genuiden Londraya kadarki—iktisad kongralarını da ilave etmek lazımdır.

Haddi zatında çok yüksek ve insanî olan bu idenin gerçekleşmesi için sarf edilen cidden bu azim gayretin elde ettiği netice nedir?

1929 de Kellog misakı yapılırken sabik Fransa reisicumhuru Milyeran „Barış bayrağı altında harbe gidiyoruz" demişti.

Hakıkaten de, bu sözlerden sonra kendisini gösteren diplomatik oyun ve bilavasıta beynelmilel anlaşma ananesine doğru yapılan dönüş, bu sözlerin doğruluğunu isbat etmekte gecikmedi.

Bilhassa 1932 den sonra ortalığı dolduran bir sıra ademî tecavüz misaklari ve perdeli askerî ittifaklar değil yalnız umumî ziman misakı idesinin iflas ettigini, ayni zamanda alelumum barışıkcılık ideallerinin, hususile Milletler Cemiyeti ideallerinin temamen mağlub bir vaziyete düştügünü de açıkca göstermektedir. Bu da hiç şüphesiz şundan dır ki, barışıkcılık idesi nazarî hükümler yüksekliğinden inerek geniş pratik sahaya çıkınca, bünyesindeki hayalîlik dolayisile diploması oyunlarına alet, büyük devletlerin hotkâm menfaatlerine yarayan bir vasıta olmaktan kurtulamadı.

Sovyetler ittihadının, müşterek emniyet mes'elesinin en hararetli bir tarafdarı rolunda ortaya çıkması bu prensipi temamen hiçe indirdi. Kimsece gizli bir şey degildirki, S,S.S.R. in bugünkü „barışıkcılığı" ancak taktik bir oyundur. Ayni suretle, Moskvayi bu „barışıkcılık" oyununun reklamını yapmağa icbar eden asil sebebler dahi açıkca bellidir.

Nasyonal-sosyalizm ihtilalının Almanyadaki parlak zaferi komünist ve sosyalist liderlerine muti bir vaziyette bulunan azim alman proletar kütlesinden ibaret „dünya ihtilali"nin Avrupadaki pışdarlarlarını temamen ortadan kaldırmış bulunuyor. Bununla beraber Sovyetler ittihadının asıl dahili vaziyeti iktisadi vaziyet, halkın ahvali ruhiyesi, iş başındeki parti içerisindeki ihtilaflar muvaffakıyetli bir harb için hiç te emniyet edilecek şeyler değildir. Bilakis, bunlar daha ziyade bir sarsıntıyı tebşir eden cihetlerdir. 15 yıl zarfında beynelmilel zıddiyetleri alevlendiren, derinleştirmege çalışan ve açıkca bir „dünya ihtilali" yapa-

cağını söyleyen bir ülkenin şimdiki „barışıkcılığı" işte bundan ileri gelmektedir. Sovyet Rusya'nın bugünkü „barışıkcı" oyunu bir „teneffüs devri", haricî siyasete tatbik edilmiş bir nevi „nep„dir.

Bir daha tekrar ediyoruz, Avrupa'da bir çok hâmiler bulmuş olan bu taktik müşterek emniyet zimanı fikrinin hayatî olduğuna ve alelumum barışıkcı şiarların idece temizligine dair bir iman ve kanaat telkın etmek istidadında degildir.

IDAREDEN

Tanınmış ukrayna âlimlerinden ve siyaset adamlarından Prof. R. Smal-Stotskinin, azerbaycanlı muharrirlerden M. B. Mehmed-Zade'nin ve kendi yazıçılarımızdan B. K. beyin makalelerini aşağıya dercetmektle Moskvanın, rus olmıyan milletler arasında gürültülü reklamlarla devam ettirdiği, hakikatte ise medenî bir teşebbüsten ziyade kuvvetli bir ruslaştırma vasitası olan, dil kuruluşu siyasetinin iç yüzünü hürmetli okuyucularımıza tanıtmak istiyoruz.

Kendi şimalî-kafkasyalı okuyucularımızın dikkat nazarını prof. Smal-Stotskinin yazısındaki bilhassa son kısma celbederiz. Ukrayıncanın imhasına karşı ukraynalıları seslerini yükseltmeğe çağıran bu kısım, kendi dillerinin müdafaası için „Promete" milletlerinin ortak cephesinde çıkışta bulunmak ihtiyacında olan Şimalî Kafkasya muhacirleri için de bir yol olarak kabul edile bilir.

Roman Smal-Stotski

Sovyet Ukraynada ukrayna dilinin ezilmesi

Bir müddet evvel Varşovadaki Ukrayna İlim Enstitüsü benim „Sovyet Ukraynada Ukrayna dili" eserimi neşretmiştir.

Bu eserde toplanmış ve bolşeviklerin bugünkü dil siyasetleri bakımından araştırılan materyallara dayanmak suretile biz bu sorğuya cevab bulmağa çalıştık: Aceba, Günbatan Avrupadaki devlet dilleri gibi veyahud hiç olmazsa rus dilinin R S.F.S.R. de olduğu şekilde, ukrayna dili de Sovyet Ukraynada tam hukuklu bir dilmidir?

Ukrayna dilinin Sovyet Ukraynasındaki vaz'iyetini dört bir taraftan araştırma sonunda şu neticeye geldik, ki:

1. Ukrayna dili Sovyet Ukraynasında tam hukuklu bir dil değildir. Ukrayna dili devletin, yapmağa mecbur olduğu yardımından mahrumdur. Üstelik başka diller gibi serbest inkişaf hakkına da malik degildir Tabiî bu „başka diller" sırasına karelya, ingermanlandya, zıryan, belorus, tatar, türkestan, gürcü, ermeni, azerbaycan, şimalî kafkasya dağlıları gibi Moskva esiri milletlerin dilleri dahil değildir.

2. Ukrayna dili Sovyet Ukraynasında rus proletaryatı tarafından ezilen ve imha edilen bir dildir. (Vukarıda adlarını saydığımız Moskva esiri milletlerin dilleri de ayni vaz'iyettedir).

Ukrayna dilinin hangi istikamette inkişaf edeceğini tayin eden ukraynalılar ve ukrayna emekçi halkının menfaatleri değil, yalnız rus proletaryatile onun hükûmetinin menfaatleridir.

Moskva hükûmeti 1930 den itibaren ukrayna dil âlimlerinin çalışmalarına nihayet vererek ukrayna dilini, Kaganoviç gibi dilçi—dilletantların veyahud Finkel, Vasilevskî ve Hvılya—Musulbas gibi tam manasile cahillerin alay mevzuu haline getirdi.

Moskvanın talimati üzerine bu „komünist dilçiler" Ukraynanın dil sahasındaki muhtariyetine nihayet verdiler. Onlar dil mes'elelerini emekçi ukrayna halkının menfaatlerine uyğun bir şekilde halletmeği imkânsız bir hale koydular ve ukrayna dilinin istilah, lugat, sintaksis ve imla sahasındaki salahiyetini cebren tahdid ederek „unifikasyon" şiari altında ukrayna diline ruscanın kavaid ve unsurlarını soktular.

3. Proletaryat Moskvası ukrayna dilinin „ayrı olmadığını", „hususiyete malik bulunmadığını", yâni müstakil bir dil olmadığını ilan etti. Bu suretle Moskva ukrayınca ile beloruscayı gene müstakil islav dilleri listesinden silerek onları ruscanın „yarım dili" şekline soktu.

Mürteci rus professörlerinin ruscanın birliği hakkındaki eski görüşleri yeniden doğdu. Rus proletaryatı tarafından ihya edilen bu eski görüşe göre ukrayınca ile belorusca rus dilinden ayrı ve hususî bir dil degillermiş. Bu diller, yalnız ruscadan başka dillere nisbeten müstakil olub rus dilile birlikte ise bir kül teşkil ediyormuşlar. İhtilâlden evvel çar ikinci Nikolayın dili gibi „Leninle Stalinin dili" dahi bunların arasında hakimi mutlaktır.

4. Ukraynanı nemekçi köylüsü ile işçi kütlesinin dilini ölüme mahkûm eden Moskva bu dilin rus diline „karışmasına" karar vermiştir.

Moskvanın dil siyasetinin başlıca istikametini anlamak için şunu göz önünde dutmak gerektir, ki Moskva proletaryatının dil siyaseti bir hedefe doğru gidiyor; o hedef de komünizmin bütün cihan ölçüsünde zaferinden sonra bütün dillerin birleşmesidir.

Fakat, zaferin yaklaştığı hakkında hiç bir alamet mevcud olmadığı için, Moskva bugünkü şeraite göre başka bir program tanzim etti. Bu program da bu dilleri, şimdilik „daha dar bir sahada", yâni Sovyetler Birliği hududları dahilinde, veyahud, Hvılya Musulbasın dediği gibi. Sovyet Rusyada birleştirmektir. „Rusya" kelimesi sovyet neşriyatında gittikce sık—sık gorünmeğe başlıyor.

Marrın nazariyesini esas olarak alan proletaryat Moskvası bu programı iki merhalede tatbik etmek istiyor.

Birinci merhale —

A) Soyvetler birliginde islav dillerinin birleştirilmesi: ukrayna ve belorus dillerini aşağıki yollarla yok etmek:

a) Ukrayna ve Belorusya işçisinin ruslaşmış kısmı tarafından konuşulan jargoni, Moskva hükûmeti „Ukrayna" ile Belorusyanın resmî edebî dili" mevkiine yükseltmek istiyor.

b) Asıl Ukrayna ve Belorus edebî dilleri ise istilah, lugat, sintaksis, söz kuruluşu ve imla sahasında rus dilile „unifikasyona" tâbi dutuluyor. Bu „unifikasyon" ukrayna ve belorus edebî dillerile jargon ve rus dili arasındaki ayrılığı yavaş—yavaş ortadan kaldıracaktır.

c) Ukrayna ve belorus dillerinin bundan sonraki inkişaflarını sevkedecek başlıca şiar olmak üzre bu dillerin her cihetten ruscaya yaklaşması prensipi kabul edilmiştir. Mürtecilerin „rus dilinin bırliği" formulunu sovyet Moskvası" en yüksek dil şekli" ve dillerin birleşmesi yolunda kat'edilecek büzumlu merhale addediyor.

d) Daha çapuk ve engelsız „birleştirmek" maksadile Moskva, ukrayna ve belorus dil sahalerinin birliğini parçalamıştır.

50 kilometro genişlikte olan hudud boyu mıntakasından bütün ukraynalılar ve beloruslar çıkarılıb yerlerine ruslar oturtulmuştur.

Bu suretle, Moskva ukrayna ve belorus milletlerini iki parçaya ayırıb ve, ukrayna ve belorus neşriyatının girib çıkmasına mâni olmak suretile, hududun her iki tarafında yaşıyan ukraynalılar ve beloruslar arasında her türlü mânevî irtibatın kesilmesine çalışıyor. Bu tedbirin hedefi iki ukrayna edebî dilinin ve iki belorus edebî dilinin meydana gelmesini temin etmekten ibarettir.

B) Ikinci merhale — Sovyetler Birliğinin bütün başka dillerini dahi rus dilile birleştirmek. Bu ruslaştırma faaliyeti bir taraftan gürcü ve türk—tatar dilleri gibi yüksek medenî dilleri öbir taraftan da daha sonralar inkişafa başlıyan genc edebî dilleri ihate etmektedir.

Moskvanın rus siyaseti mahkûm milletlerin canlı edebî dillerine rus dilinin unsurlarını ve ıstilahlarını sokmak suretile bu dilleri ruslaştırıyor. „Milliyet mes'elesinin muvaffakiyetle halledildiği" ne dair Moskvanın ögündügü bütün „millîleştirmeler", mahkûm milletlere verilen bütün „dil düstürleri" tam ruslaştırmaya götüren merhalelerden biridir. Çünkü Moskva bu milletleri dillerinin kanununa uymıyan rus istilahlarını kabul etmeğe icbar ediyor. „Millîleştirme", „birleştirme" gibi gürültülü şiarlar altında devam eden bütün bu ruslaştırma işinde, çar hükûmetinin ruslaştırmış olduğu şehir işçileri dil zerbeçileri rolunu oynamakta—dırlar.

Komünist fırkasının, devletin, ordunun, mekteb, matbuat, edebiyat ve ilmin bütün teşkilat ve imkânları bu „rus dilile birleşme" işine hizmet ediyorlar. Dilçiliğin bircecik vazifesi, dillerin tekniki birleşmesi için daha kolay ve daha mustacel metodlar bulmaktan ibaret olarak kalmıştır.

5. Böylelikle, çar hükûmetinin ukrayna diline ve sabik çar Rusyasının bütün mahkûm dillerine karşı yuruttügü dil siyasetini bugün rus proletaryatı aynile tatbik etmektedir. Bilhassa ukrayna diline nisbeten, rus proletaryatı 1876 fermanının esas muhteviyatını sadakatle tatbik ediyor.

* * *

Ukrayıncanın Sovyet Ukraynadaki vaz'iyetini bitarafane araştırmadan sonra eserimizde vasıl olduğumuz ilmî netice, siyasî ayrılık göze alınmaksızın, bütün ukraynalılara, ilk sırada ise Millî Ukrayna cumhuriyetinin siyasî muhacirlerine, dilimizin Moskva tarafından imhasına karşı birleşik bir cephe halinde harekete gelmek v a z i f e s i n i tahmil eder.

Çok ağır vaz'iyette olmakla beraber ukrayna milleti tam müdafaasız da değildir. Bizim, muhacirette kanunî Ukrayna hükûmeti vardır, ilmî eserlerile Günbatan Avrupanın hürmetini kazanmış ve muhacirlerimizin kurmuş olduğu bir çok ilim müesseseleri mevcuddur, Lehistan, Rumanya ve Çekoslovakyadaki etnografik ukrayna topraklarında siyasî mümessillere, ilmî ve medenî — siyasî teşkilat ve merkezlere mâlik teşkilatlanmış ukrayna halkı yaşıyor.

Nihayet okean arkasında, Kanadada ve Birleşik Amerikada, seslerini bu ortak protestoya ilhak edecek lerine şüphe etmediğimiz muhacirlerımiz yaşamaktadır.

Moskvayı cihan efkarî umumiye ve siyasiyesi karşısında mes'uliyete çekmek için biz bir imkâna malikiz. O imkân da şudur: Moskva Milletler Cemiyetinin „âzası" dır. Melletler Cemiyetine mensubiyet ise yalnız hak vermez, ayni zamanda vazife dahi tahmil eder.

Ukrayna dilinin imhası ve onunla birlikte Moskva esaretinde olan karelli, ingermanlandli, komi, belorus, tatar, gürcü, türkestanlı, azerbaycanlı, Kafkasya dağlıları gibi milletlerin dillerini imha etmek — asrımızın emsalı görülmemiş bir barbarlığıdır, bu öyle vahşı metoddur, ki medenî milletler müstemlikelerinde bile tatbik etmiyorlar. Milletler Cemiyeti insaniyet ve medeniyet karşısındaki vazifesini ifa etmek istiyorsa bir adalet mahkemesi olmalıdır ve Cenevrede moskva bolşeviklerini maznun iskamyasına oturtmalıdır.

Şimdi bir sorğu varid ola bilir, denile bilir, ki cenevre mahkemesi karşısında dilimizin müdafası nı nasıl yapacagız?

Bu işte en büyük ve ağır vazife Millî Ukrayna Hükûmetine ve bütün siyasi muhacirlere düşer. Onlar milletimizin vicdanını temsil ediyorlar.

Bence Millî Ukrayna Hükûmeti şunları yapmalıdır:

1. Milletler Camiyeti için bir memorial hazırlayıb dilimizin imha edilmekte olduğunu tahkik için hususî bir komisyon teşkilini rica etsin.

2. Muhaciretin Yüksek Şurasını, ukrayna dilinin ezilmesini protesto maksadile, muhacirlerin bulundukları merkezlerde geniş protesto toplantılar yapmaya davet etmek. Bu toplantılarda kabul edilecek kararları Milletler Cemiyetinin kitabetine göndermek lâzımdir. Ayni zamanda hususî bir heyet hariciye nezaretlerini, sefaretleri, beynelmilel medenî ve ilmî merkezleri ve Londrada, Roma, Paris, Berlin, Varşova, Bükreş, Praga, Viyana, Budapeşt, Sofya, Helsingfors gibi yerledeki islavistlerle dilcileri ziyaret ederek onları tenvir ve protestoları takdim etmelidir ve Millî Ukrayna Hükûmetinin Milletler Cemiyeti nezdindeki teşebbüsüne yardım etmelerini rica eylemelidir.

3. Ukrayna dilinin imhasına karşı olan mücadeleyi öteki esir milletlerin mücadelesile birleştirib, Milletler Cemiyetinde onlarla birlikte, birleşik cephe ha linde hareket etmeli. Bu teşriki mesaide rehberlik vazisifesini, mahkûm milletler birliği olan „Promete" yapmalıdır.

4) Ukrayna siyasî muhaciretinin bütün bu faaliyeti, siyasî itikad nazara almadan, bütün ukraynalılar aşağiki surette karşılamalıdır:

A. Lehistan, Rumanya ve Çekoslovakyadaki etnografik ukrayna toplaklarında:

a) Galıça, medenî ve ilmî teşkilat ve merkezlerile, ukraynalıların bu hareketini idareye başlamalıdır. Galıça ilim adamlarından mürekkeb bir iş merkezi teşkil etmelidir, çünkü beynelmilel muhafildeki mücadelemiz ilmî bir esas üzerinde yürüyecektir.

b) Bu merkez, konferanslar vermek beyannameler yazmak vasitasile,, Sovyet Ukraynasından seddiçinle ayrılmış ve ukrayna dili üzerinde neler yapıldığından haberi olmiyan ukrayna efkarî umumiyesini tenvir etmelidir. Bu faaliyet umumî ve geniş halk protestolarile birleştirilmelidir. Bilumum „Prosvit"lerin, „Lug" lerin ve medenî teşkilatlar merkezinin Milletler Cemiyetine müracaat ederek protestolarını bildirmesi ve lisaniyatçılardan ibaret bir tahkikat heyeti tayinini taleb etmeleri çok faydalı olurdu.

c) Parlamentolardaki mümessiller lehistan, romanya ve çekoslovakya hükûmetlerinden ukraynalılara Cenevrede yardım etmelerini taleb etmek imkânındadırlar. Onların, parlamentolarda sorğular vermek, Milletler Cemiyetine memoriallar göndermek ve Londradaki İngiliz — Ukrayna Komitesine müracaat etmek tarikile dillerin ezilmesi ve tazyiki mes'elesine avrupa efkârî umumiyesinin nazarî dikkatını celbetmek için dahi imkânlar vardır.

d) Çok eyi olurdu, ki ilmî teşkilatlar protestolarını yalnız Milletler Cemiyetine değil, bütün milletlerin ilim akademisine dahi göndere idiler. Bundan ilave bu memleketlerin islavistlerine bir beyanname ile müracaat edib onlardan ukrayna dilinin müdafaası için yardım istemeleri de münasib olurdu.

B. Kanada ile Birleşik Amerikadaki muhacirlerimizin üstüne düşen vazife de çok büyüktür. Kanadadaki ukraynalılar ukrayıncanın barbarca takibata ve tazyika maruz bulunduğuna nazarları celbede bilir ve Amerikadaki muhacirlerimiz ise umumî protestolar tarikile dilimizin müdafaasındaki işimizi tekmil ve takviye ede bilirler.

Ukrayna siyasî muhacirlerinın ve ukrayna halkının yapacakları işleri biz kısaca böyle tesavvur ediyoruz.

1 Eylûl 1936 de taplanacak Milletler Camiyeti ictimai umumiyesine kadar ilmî, harsî ictimaî, kadın, talebe, spor ve ilh. gibi ukrayna cemiyetlerinden hiç birisi M. Cemiyetine protesto göndermek vazifesinden boyun kaçırmamalıdır.

M. B. Mehmed-zade

„Dil ve şive belâsı"

On sekizinci asrın hanlık devri şairlerinden, her hanlıktan birisi olmak üzre, birer edebiyat mümessili alınız, meselâ Karabag'dan Vâkıf'ı, Şeki'den Mehmed Hüseyin Han Müştak'i, Şirvan'dan Ağa Mesih ile Neşatî'yi, Kazak'tan Vidadî'yi alıb da dillerini tutuşturunuz. Derebeyliğin en azğın bir zamanında kısmen hanların saraylarında yaşayan hatta kısmen hükümdar olan bu şairlerin arasında, dil bakımından, hiç bir fark görmiyeceksiniz. Ortak Azerî edebi türkcesi etrafında birleşmiş olan o devrin şairleri siyasi ve askeri hudutların üstünde edebî dil birliğini korumaya muvaffak olmuş ve Nesimî, Habibî, Fizulî, Hatailerden kalan bu edebî mirası kendilerinden sonra gelmiş olanlara devretmekle edebî an'anenin yaşamasına ve onunla birlikte millî birliğimizin esasini teşkil eden başlıca âmilin yaşayıb inkişaf etmesine büyük hizmette bulunmuşlardır.

On dokuzuncu asrın edebiyatçıları da öyledir. Bakû, Şirvan, Karabağ, Gence, Şeki, Nahçevan gibi yerlerden çıkan edib, şair, muharrirler de ayni an'aneyi devam ettirmişlerdir.

Yiğirminci asırda ise edebî dilimiz daha çok işlenerek Azerbaycan hudutlarını dahi aşmış, edebî istanbulcaya yaklaşmağa başlamıştır. Sovyet devrinde ise tersine olarak geriye yürüyüş görüyoruz. Dillerin çoktan teke doğru inkişaf ettiğine kani olan bolşevikler*) bu nazariyeyi yalnız ruslaştırmak için kullandılar. Türk diline gelince bunun birleşme inkişafına mani olarak, üstelik, resmî istatistike göre, 70 müstakil dil haline getirdiler. Halbuki S. S. S. R. ölçüsünde gerek nüfusunun çokluğu, gerekse işğal ettiği arazinin genişliği bakımından üç büyük dil çarpışmaktadır: türkce, rusc ve ukraynaca . . .

Federasyonlu bir memlekette bu üç esaslı ve başlıca dilin yan-yana yürüyüb inkişaf etmesi pek âlâ mümkün iken Sovyet hükûmeti ancak ruslaştırmak hastalığile muztarib olduğundan Türk dilinin kabile şivelerine parçalanmasını emretmekle beraber, Stalin, Marr'ın „ihram nazariyesini"*) resmî bir dekret haline sokuyordu ve „ortak bir kültür halinde birleşmeği" emrediyordu. En mühimmi ise bu ortak dilin rus dili olmasına dair resmî emirlerdi. Çünkü derebeylik ve kapitalizm devrinin kendine mahsus dili olduğu gibi sosyalizm medeniyetinin de dili varmış ve bu dil de Lenin-Stalin dili olan rusca imiş... Fakat, bundan daha evvel meydana atılan „içi sosyalistik dışı millî kültür" nazariyesi ruslaştırmanın esas temellerinden biri olduğunu bütün çıplaklığile isbat etmiş „iç dışı tayin eder, her mazruf kendine bir zarf taleb eder" prensipi mucibince dilden ibaret olan dışın, şeklin de ruslaşması lüzumunu meydana koymuştu. Çünkü „sosyalistik" mefhumu ile daima rus kültürü, rus nihilizmi kat dolunmuştur. Onun içindir ki Moskva ortak türkce istilahları pantürkizm addaderek, onların yerine rus-sosyalistik istilahların kabulunu taleb ediyordu**).

Bu siyasetin tatbiki neticesinde Azerbaycen türkcesi, değil takâmül seyrinden ayrılmış, hatta edebî bir Azerî türkcesi olarak bile meydandan kalkarak rus sokak kelimelerile dolu ve biribirini anlamıyan mahallî şivelere parçalanmıştır. Facianın büyüklüğüne bakınız, ki ortak edebî türkcenin amansız düşmanı

*) N. Y. Marr. — „Yafetik nazariyesi".

*) „Kurtuluş"un 6-nci sayısına bakıla.

**) „Pravda" 9. 7. 1934.

olan „Komünist“ gazetesi bile birdenbire diksinti duymuştur. „Komünist“ gazetesi, bir cümlesinden alıb bu yazımıza başlık yaptığımız baş makalesinde*), Stalin'den aldığı „kelamlarla“ matbuatın ancak sosyalizm kuruluşuna hizmet ettiğini ve Azerbaycan'da matbuatın arttığını kaydettikten sonra diyor ki:

„Lâkin bununla beraber onların (gazetelerin) çoğusu cumhuriyetimizdeki sosyalizm kuruluşunu hele solgun eks etdirir, hele heyatımızın aynası ola bilmemiştir ve yaşadığımız devrin teleb etdiği dil ve şiveni hele tapa bilmemiştir.

Rayon gazetelerinin en böyük noksan ve belâsı da hemin bu dil ve şive balâsıdır. Buna birinci nevbede sebeb odur ki, rayon matbuatımızda işleyen yazıcı ve muhbirler kadrosunun çokusunun medenî seviyesi ve umumî bilik derecesi çok aşağıdır.

Gazete Sovyet muharrirlerinin cehaleti hakkında bir kaç canlı misal daha kaydettikten sonra tenkidinde devamla diyor ki:

— „Bundan başka Azerbaycan matbuatında bir de istilah ve daha çok imla belâsı vardır...“

„İstilah yaratmak ve imlayi düzeltmek“ işinin ilmî bir mes'ele olduğunu, bununla berabar hayatın „kolhoz“, „sovhoz“, „brigada“, „komintern“, „komsomol“, gibi „herkesin anladığı“ istilahlar yaratmış ve yaratmakta olduğunu yazdıktan sonra „bâzi yanlışlıklara da yol verildiğini“ ilave ederek diyor ki;

— „Türk dilinin ahengine uymayan söz ve istilahlar uydurulur (uyduruluyor). Biz dilimizi, onda daha çok yer tutan arab ve fars sözlerinden ve Azerbaycan Türk dili şivesine yabancı olan şive ve uslublardan halas etmeğe çalışırık. Aynı zamanda onaı yeni-yeni lüzumsuz ecnebî sözleri sokmağa ve dilimizin kanunlarına uyğun olmıyan terkiblerin dilimizde yerleşmesine yol vermeyirik...“

„Komünist“ gazetesinin kendi seviyesi hakkında bir fikir edinmek için imlasını aynile muhafaza etmekte devam edeceğiz, Ayni zamanda dilimizde yabancı sözler bahsında bizzat kendisinin bile „rayon“ (nahiye— kaza) gazetelerinden geri kalmadığını gösterir bir çok misallar zikredeceğiz.

„Komünist“ baş muharriri Yunus Haciyef kendisi de suçunu gizlemiyor, karakteristik bir dil ile diyor ki:

„Bu acınacak vaz'iyetde Bakı gazeteleri ve bizim öz gazetemiz bile istisnayi teşkil etmir. Lâkin dil, istilah ve imla mes'elelerinde rayon gazetelerimizin halı daha berbatdır. Onlar en sade bir mes'eleni bele düzğün yazmağı bacarmırlar. Bu gazetelerin çokunda Türk dilinin ruhuna uymayan uydurma sözlere, kondurma istilahlara, karışık cümlelere ve yanlış cümle kuruluşuna oldukca çok tesadüf edilir...“

Buna misal olarak Samuh nahiyesinde çıkan türkce „Leninçi„ gazetesinin 12. 10. 33 tarihli sayısından 28 satırlık cidden berbad bir cümleyi aldıktan sonra şöyle tenkid yapıyor:

— „Cümle pozgunluğu imla hataleri ve „mişat“, „pradukt“ kibi rus sözlerile dolu olan su yazı gazete dilinin berbadlığını, okucunu gazeteden uzaklaştırmasını aydınca göstermir mi?...“

Gazete okuyucularının „işçi, kolhozçu, emekçi kadın, kızıl asker ve umumiyetle halk içerisinden yetişmiş savadlı vetendaşlar“ olduklarını, onları nazara almak ve onların anlıyacağı dilde yazmak lâzım geldiğini söyledikten sonra hemen ilave ediyor ki:

— Lâkin bu heç de o demek deyildir ki, biz gazetemizin dilini en geride kalan okucu kütlesinin bilik seviyesine dogru geri çekmeliyik. Bil'eks biz halkın en geride kalmış tebekasını hemişe öz yüksek cahanşumul ideyalarını anlamak seviyesine kaldırdığımız kibi onu dil, şive, istilah ve imla mes'elelerinde de yene de daha yükseklere kaldırmalıyık...“

Gazete bir kaç yerde halk tabirini tekrar ediyor, şimdiye kadar „proletaryat“ dedikleri asağı tabakaya da „halkın en geride kalmış tabakası“ adını vermektedir.

Ali Nazim'in kulakları çınlasın. Proletar şairi Süleyman Rüstem'i „benim sesim halkın sesidir“ dediği için az kala panturanizmle suçlandıracaktı. Gerek o gerekse bütün komünistler „halk renksiz, sınıf farkını unutturan bir kitledir. Halk yok, biribirine düşman sınıflar vardır“ diye, „sınıfa karşı sınıf“ şiarını vaz'etmişlerdi. Şimdi ise komünist partisinin fikirlerini yayan resmî bir gazete halkı göze batacak kadar kabartıyor. Anlaşılan bu sahada dahi yeni taktika geçilmiştir. Stalin'in komünist olmıyan ordu efradının ve zabitlerinin şerefine bâdenuş olduğu günden beri başlıyan bu muvakkat taktik üzerinde burada, maalesef, duramıyacağız...

Evet dili, halkın en aşaği ve geri tabakasının seviyesine düşürmek değil, bilakis bu geri tabakayi dili anlayacak yüksek seviyeye yükseltmelidir! Dil sahasında yeni taktik budur. Fakat bunu yapamıyacakları, Sovyet-komünist muharrir kadrosunun, itiraf olunduğu gibi, cahil olmasile sabittir. Bircecik yol, bütün dünya Türklerinin ortak malı olan birleştirici edebî türkceye geçmek, dil sahasında Türkiye'de yapılan semereli emeklerden istifade etmektir. Buna da ki yalnız Moskva değil, bizzat Yunus Haciyef'in kendisi bile taraftar değildir. Yukarıda aldığımız parçadan da gördük ki „Komünist“ Azerî türkcesini yalnız arab, fars ve rus sözlerinden değil „Azerbaycan Türk dili şivesine yabancı olan şive va uslublardan da halâs etmege“ çalışıyor. Ve bu fikri amelî olarak tatbik dahi ediyorlar, Bunu Hızı'da çıkmakta olan „Kızıl Yıldız“ ile (1. 9. 1935. Nr. 26 — 118) Bilesuvar'da intişar eden „Kırmızı Pambıkçı“ (20. 9. 35. Nr. 36—153) gazetelerinin dillerine tahsis edilmiş bir makaleden dahi görmek mümkündür*):

„Osmanlıca“ istilahlar kullanılmasına „savatsızlık ve medeniyetsizlik“ tamgasını vuran „Komünist“ gazetesinin ayni makalesi „obzor“, „obraz“, „rayon“, „fakt“, „oçerk“, „felyaton“ gibi rusca ve rusca tarikile alınan sözlerle doludur. Hatta ilmî Avrupa istilahlarını da ruslaştırarak öyle alıyorlar.

Sovyet matbuatında türkcemizin berbatlığından bahseden „Komünist“in bir kaç gün evvelki ve hatta bir kaç gün sonraki sayılarında türkce karşılığı bulunan ve halkın kat'iyen anlamadığı şu „istilahlar“a dahi rastlıyoruz:

„Naçalnik“ „parovoz“, „uçot“, „uçastok“, „zavod“, „payok“, „aviasya“, „agitasya eskadryası“, „navigasya“, „diplomatik missiya“, „kartoçka“ ve ilh.

„Kurtuluş„'un 11-nci sayısında V. Nuh-Oğlu'nun

---

*) „Gazetelerimizin dili hakkında“ — „Komünist“ 30. 10. 1936.

*) „İki gazetenin dili hakkında“ — „Komünist“ 5. 11. 35.

27 Haziran 1934 tarihli „Komünist"ten aldığı parçalarda şu sözleri buluyorduk:

„Peçat", „predmet", „signal", „pragulçu", „uklonçi", „avariyaçı", „kulaklar", „traktor kultivasyası", „ekspedisya", „hulikan", „raykom", „oblast", . . .

Baş makalede ise şu „istilahlar" vardır*):

„Aktiv", „meşçanlık", „obıvatellik", „plenum", „praktikada oportunizm". „işpraktikasında", „kampaniyaçılık", „akademizm elementleri" . . .

„Komünistin", son şikâyet ve tenkitlerinden sonra da değişmemiş olduğunu yazmıştık. İlave olarak 2. 12. 1935 sayısının ilan kısmında şu sözleri okuya bilirsiniz.

„Uçota götürülecektir", „obyektler yoklanacaktir", „konsultasya", „operativ grup", „poçt", „soyuz peçat" va ilh . . .

Ortak türkceden kaçmak ve rusca vesıtasile yabancı istilahlar almak hareketine misal olarak gene ayni „Komünist"ten başka yazılar da almak mümkündür. Meselâ: dilimizde marksist istilahlara büyük bir yazı tahsis eden S. Şamilof diyor ki:**)

— „İnternasyonal inkilabi nezeriye olan marksizm-leninizm, tebii olarak bir sıra ayrı-ayrı dillere tercüme edilmeden işledilir. Meselen, Komünist Manifesti"nde Marks ve Engels „internasyonal", „proletaryat", „koloniya", „revolyusya", „industriya", „reaksya", „opozisya", „potrıya" ve saire gibi terminler vermişlerdir ki bu terminler „Komünist Manifesti"nin muhtelif Avrupa ve şerk dillerine, hemçinin rus diline tercüme edilmeden, yalnız her dilin hususiyetine göre ahırı deyişmekle saklanmıştır."

Tatarcaya da ayni şekilde tercüme edildiğini, yalnız özbekceye tercümesinde 8 sözden üçünün arapca olarak alındığını kaydettikten sonra Azerbaycan'a geçen muharrir şöyle devam ediyor.

— „Türk diline gelince, çok teessüf etmeliyik ki, dildeki erebçilik yeniliğe çok tesir edir ve saydığımız 8 terminden yalnız ikisi internasyonal formasını muhafaza eimiştir . . ."

Okuyucu görüyor ki, muharrir kendisi „komünist", „manifest", „termin", „forma" gibi „marksist terminleri" ile 8-i 12ye çıkarmış, bu suretle „boşluğu" kısmen olsun doldurmuştnr.

O, esasen „ilmî-teknikî terminlerin„ tercümesine aleyhtardır. Çünkü F. Engels kelami şeriflerinin birinde buyurmuş imiş ki „Lazımlı ecnebi elmi-tekniki terminler tercüme edile bilseydi, lazımlı olmazlardı. Demek, tercüme, menanı ancak tehrif edir, izah edeceyi yerine karışıklık doğurur.

Bunun için olacak ki, Prof. S, Vasilyef,in müdüriyeti altında ve Prof. B. Çoban-zade, M. İsmailof, İ. Hasanof, A. Ubeydulin, V. Huluflu, A. Nazim ve A. Tağı-zade'nin iştirakile tertib edilmiş 2.000 felsefe istilahini havi 23 sahifelik eserde, S, Şamilof'un kendi izahatına göre şu „terminler" dahi „internasyonal termin" olarak kabul edilmiştir:

„Bog", „Vina", „Vozmiezdiye", „Vıvod", „Jadnost", „Jadnıy", „Jest", „Libidioznıy", „Libido", „Lirika", „Lilit", „Liyubov", „Liyubopıtnıy" ve ilh . . .***)

S. Şamilof bunları bir misal olarak aldığını, yoksa bu gibi istilahların daha fazla olduğunu kaydetmeyi do unutmıyor.

Gerek S. Şamilof, gerekse „Komünist" gazetesi „internasyonal" ve „sovyet" istilahlarını kabul etmekle beraber „millî terminler" yaratmak lüzumunu da ileri sürüyorlar.

Fakat C. Abasof'la F. Hudaverdi-zade ortak yazılarında*) ve Heyderli hususî bir makalesinde**) bu „millî termin" cephesinde de vaz'iyetin pek berbab olduğunu delillerle isbat etmektedirler.

Bu yazılardan öğreniyoruz ki ayni hadiseye ve ayni şeye türkce muhtelif adlar verilmiş ve her muharrir ve çeviren biribirine benzemiyen istilahlar kullanmaktadır. „Neft gibi kaç yüz yıllara varan bir istilah bile „Nâft" olarak yazılıyormuş.

Hele arab ve farscadan alınıb dilimizde yerleşmiş olan kelimeler bile yerinde kullanılmıyor.

„İstismar", „istihsal", „tasarruf", „keyfiyet", „berpa", „inşa", „tertib", „teşkil" gibi kelimelerin kullandığı yerler, o kelimelerin ifade ettiği mâna ile hiç bir münasebeti yoktur. Heyderli „Komünist" gazetesinden bir çok cümleler alarak tenkid ediyor. Onlardan birini ve o hususta Heyderli'nin tenkidini, misal için aşağıya alıyoruz:

— „ Yeni bir cümle: 1935-nci yilda 8 yeni mekteb tikilerek yüksek keyfiyetle istismara verilmiştir,

Eceb konkret dildir. Hele „istismar" burada ne manada işlenmiştir? Gazetelerimiz çok zaman „buruk istismara verildi" yazırlar, halbuki biz dede-babadan „buruk işe düşdü", yahud „işe salındı" eşitmiştik".

Heyderli dilimizdeki karmakarışıklık karşısında istemiyerekten „dede-baba dilini" hatırlamıştır. Halbuki makalesinin başında öğünerek aynen şu sözleri yazıyordu:

„. . . Bugünkü Azerbaycan Türk dilini alalım. Köhne „edebî" Türk dilinden demek olur ki, hiç bir eser kalmamış, dilimize bir çok sovyetizm ve internasyonal terminler dahil edilmiş, bir çok gramer formaları tekmilleştirilmiş ve yeni gramer formaları yaradılmışdır (izm, grafiya, ist, anti, ve ilh . . .)"

Heyderli buna dilin „konkretleşmesi" adını takmaktadır. Ruslaşmanın başka bir adı olan bu „konkretleşme"den başka dilimizin cümle kuruluşu itibarile de ruslaşmakta olduğunu gene Heyderli'den öğreniyoruz. Getirdiği ve tenkid ettiği misallerden çıkarıla bilecek biricik netice şu beş madde halinde hülâsa edile bilir:

1. Azerbaycan'da serbest yaradıcılık imkâni yoktur.

2. Bütün ilmî, fennî, siyasî eserler ve yazılar ruscadan tercüme edilmektedir.

3. Yaradıcı münevver yazıcılar işten atılarak onların yeri türkceden cahil tercümeçiler kadrosuna verilmiştir.

4. Bu cahil tercümeçi kadrosu türkce düşünemiyor ve rusca düşündüğü gibi yazdığındandır ki Heyderli'nin getirdiği yersiz istilahlar dolu karmakarışık cümleler meydana geliyor.

5. Dil mes'elesindeki eğinti ve kurs Moskva'ya ve „vahid sosyalizm diline" doğru gitmekte devam

*) „Komünist" — 27. 6. 1935.

**) S. Şamilof: „Azerbaycan Türk dilinde marksist içtimaî-siyasî ve felsefî terminologiya hakkında" — („Komünist" 12. 8. 1935).

***) „Komünist" 12. 8. 1955. S. Şamilof'un makalesi.

*) „Komünist" 10. 9. 1035,

**) Heyderli — „Türk dilinin temizliği hakkında" („Komünist" 2. 12. 1935.

ettikce dilimiz daha çok bozulacak ve bir gün dilsizlik korkusu ile karşılaşmış olacağız.

Heyderli yazısının sonunda şöyle bir teklifte bulunuyor:

„Rus dilinin temizlenmesi hakkında böyük dil ustadı Maksim Gorki bu ahır illerde sesini ucaltmıştır. Biz dahi, dil kuruluşu meydanının bir bucağı olan bu mes'eleni ortaya koyub müzakere etmeliyiz . . .“

Demek, ki dilimizi temizlemeğe doğru atılan son „cesur hamleler“ M. Gorki'nin çıkışile alâkadardır. Fakat M. Gorki'nin çıkışı yalnız rus dilinin temizlenmesi ve „sovyetizm, internasyonal terminlerden“ halâs edilmesi hakkında idi. M. Gorki'nin reisi bulunduğu „Sovyetler Birliği edebiyat cemiyeti“ yalnız ruslardan ibaret olmasa da, onun gayesi ve maksadı, rus dilini „Sovyet milletinin“ ortak dili yapmaktan ibarettir. Rus dili tedrisinin rus olmıyan mekteplerde artırılmasına ve okutulmasının kolaylaştırılmasına aid son dekretle sıkı surette bağlı olan bu çıkış gerek kızıl, gerekse ak rusları ortak bir heyecanla coşdurmuştur. Bütün ruslar rus dilinin daha sür'atle yayılacağını açık yazıyorlar. Böyle bir şerait içerisinde, 70 parçaya ayrılmış olan Türk dili Sovyetlerde varlığını koruya bilecek mi?

Ruslaştırmayı ve rus dili etrafında bir „Sovyet milleti“ meydana getirmeyi kendisine gaye edinen Moskva hükûmeti ve onun Türk ölkelerinde hakimiyeti varken bu dileğe ermek imkân haricinde olacak ve Azerbaycan'da „Dil de şive belâsi“ sonu gelmiyen iztırab verici bir hastalık halinde devam edib gidecektir. Anlaşılan bu hastalığın millî vücudumuzda açtığı yara artık dözülmez bir hale gelmiştir. Anlaşılan komünistlerin kulağına bâzi korkutucu sesler geliyor. Onun için mes'uliyeti, her mes'elede olduğu gibi, dil sahasında dahi, her şeyin hâkimi mutlaki olan komünist fırkası üzerinden alıb „cahil redaktorlar“ üzerine yıkmak istiyorlar.

„Komünist“ gazetesi aynen şöyle yazıyor:

„. . . Sâde ve anlaşılan dilde yazmalı, zehle töken uzun cümleden kaçmalı, ecnebî kelimeler işletmemeli . . .“

„Fırkamızın matbuattan telebi de budur.“*)

Aceba bumudur?

Vaz'iyetin tam tersine olduğu dünyaya malûm iken komünist fırkasının resmî gazetesinin böyle bir dille konuşması kimi kandırmak içindir?

*) „Komünist“ 5. 11. 1935.

B K.

SSSR de dilleri ruslaştırma metodu

SSSR de dil mes'elelerini tanzim eden hukukî kaidelere aid yazısında sovyet hukukçularından prof. V. N. Durdenevski şu neticeye varıyor: „Bütün yurddaşlar için ana dili hakkını veren dillerin müsavatı prensipi ve rabit—dil idesi—işte sovyet vazii kanunu tarafından tatbik edilen ve gelecegin medeniyetinde Sovyet milletlerini kaynaştıracak yolu temizlemek için hukukî bir silah olan başlıca esas bundan ibarettir".*)

Bu suretle, salahiyettar sovyet âliminin itiraf ettiği vechile, „ana dilî hakkı" SSSR de yaşayan milletlerin kayıdsız ve mutlak bir hakları değildir ve sovyet kanunları bu hakki, „g e l e c e ğ i n m e d e n i y e t i n d e S o v y e t m i l l e t l e r i n i k a y n a ş t ı r a c a k y o l u t e m i z l e m e k i ç i n h u k u k î b i r s i l a h" rolunu oynadığı nisbette müdafaa eder — yâni, başka tabirle, „ana dili hakkı" hâkim kuvvetin unifikasyon emellerine mâni olmadığı nisbette himaye görür.

Bu emellerin istikameti, son hedefleri „rabit dil" mefhumunun mahiyetile tayin olunur. Sovyet kanunlarına resmî bir istilah halinde girmiş ve, Durdenevskiye göre „cumhuriyette en büyük milletin dilinden" ibaret olan „rabit dil" mefhumu rus dilinden ibarettir.

Sovyetlerin dil kanunlarında dahi kendisini göstermeğe muvaffak olan bu ruslaştırma emelleri Bütün Sovyetler komünist fırkasının 16 nci kongresinde „rehberin otoritesile" dahi teyid olunmuştur; Stalin açık söylemişti, ki: SSSR de millî — kültür kuruluşu adını taşıyan faaliyetin son hedefi, bütün millî kültürlerin „o r t a k b i r d i l e m a l i k o r t a k b i r k ü l t ü r h a l i n d e" birleşmesinden ibaret olmalıdır.

*) V. N. Durdenevski — „Sovyet rejiminde dillerin musavatı"(rusca) — Moskva 1927; „Sovyet hukuku enstitüsü" neşriyatı.

Fakat sovyet hükûmetinin ruslaştırma faaliyeti yalnız „hukukun otoritesile" „rehberin otoritesine" dayanmaz, bu faaliyeti „ilmin otoritesi" dahi teyid eder. Bu ruslaştırma faaliyetinin „ilmî" temelini kuran N. Y. Marr olmuştur; onun tesis ettiği yeni dil nazariyesi denilen ceryan, bugün resmî sovyet dilçiliğinin esasını teşkil eder. N. Y. Marr'a ve ondan sonra bütün sovyet dilcilerine göre SSSRdeki bugünkü milliyet mozaikası „ortak yafetik zemin üzerinde" doğmuştur (ilk eserlerinde yafetidleri yalnız Kafkasya, Yakın Şark ve Akdeniz havzasile baglıyordu) ve güya „bu ortak yafetik asıl", „yeni ictimaî — iktisadî sebeblerden dolayı" parçalanmış her parçanın inkişaf sür'atı SSSR in muhtelif yerlerinde muhtelif olduğundan, ırk ve dil ayrılıkları meydana gelmiştir. Marr'ın fikrine göre SSSR dahilinde artık her yerde ayni olan ictimaî—iktisadî vaz'iyet yeni dil birliğine yardım etmelidir. Ona göre: „d e v a m e d e n d i l b i r l e ş m e s i a m e l i y e s i n i k o l a y l a ş t ı r m a k v e s ü r' a t ı n ı a r t ı r m a k i ç i n muasır dilçiliğin vazifesi dil san'atının teknikini öğrenmekten ibaret olmalıdır".

Bir çok eserlerinde „başka milletlerin dillerile rus dili arasında genetik bir irtibat" keşfeden Marr, „dil birleşmesi ameliyesinin" hangi istikamette inkişaf etmesi lâzım geldigini dahi göstermiştir. Marr'a göre de son merhale „cumhuriyette en büyük milletin dili" olan rus dili, veyahud maruf adile „oktobr inkılâbının dili" olmalıdır.*)

*) N. Y. Marr'ın faaliyeti ve „dil hakkında yeni nazariyesi" hakkında ayni muharririn „Şimalî Kafkasya"nın 8 nci sayısında (İlk Kânun 1934) „N. Marr, yafetik nazariyesi ve sovyet dil siyaseti" başlıklı makalesi vardır. Gelecek sayımızda türkcesini dercedecegiz.—İdare.

Sovyet hukuku, sovyet tefekkürü ve ilmi tarafından vazolunan bu esasların ne surette realize edildiğini: ruslaştırmanın nasıl tatbik edildiğini ve SSSR milletlerinin „ana dili hakları“ uğrunda nasıl çarpıştıklarını öğrenmek çok lüzumludur.

Sovyet russifikatorlarının, rus olmıyan milletler arasında ruscayı tervic etmek için müracaat ettikleri sırf mekaniki tazyik usulandan biz bahsetmiyecegiz. Yalnız şu kadar diyelim, ki mekaniki ruslaştırma devlet müessesleri, fırka teşkilatı ve mektebler tarikile tatbik olunuyor. Bu müesseseler, yerlileştirme denilen mes'ele hakkındaki konuşmalara ve kararlara ragmen rus müessesesi halinde durmakta devam ediyor ve civar adını verdikleri ölkeler ahalisine rus dilinin yabancı oldugunu kat'iyen nazare almiyorlar. Buna, kaydetmiş olduğumuz gibi, rus dilini „rabitdil“ diye kabul eden sovyet hukukunun harfi dahi sebeb oluyor. Bunun neticesinde, çar devrinin bariz hususiyetlerinden birini teşkil eden dil sahasındaki mekaniki tazyik sovyet devrinde dahi ehemiyet ve şiddetini itirmemiştir. Halbuki sovyetlerin dil siyasetleri zahiren tam bir liberalizm tesirini uyandırıyor.

Fakat, sovyetlerin dil siyaseti, rus olmiyan milletlerin dilleri için hakikî bir korku teşkil etmesi başka cihete de maliktir. Bu da, dil kuruluşu dedikleri ameliyat esnasında rus olmıyan dillerde „ilmî metodlarla” yapılan organik tadilattır, ki onu da „dil hakkında yeni nazariye“ müntesibleri, „mütehassis“ rus „dilçilerile” dil islahatı nami altında icra ediyorlar. Bu cihetten sovyet hükûmeti rus olmıyan milletleri ruslaştırmak için onlara rus dilini aşılamakkla iktifa etmiyor, o ayni zamanda rus olmıyan milletlerin ana dillerini ruslaştırmak yolu ile, siyasî nazariyesini Stalin, ilmî nazariyesini Marr kuran „dil birligine“ doğru gidiyor.

Hali hazırda bu ruslaştırma şekli ayrı—ayrı dil gruplarını (mes'elâ; türk dilini, Şimalî-Kafkasya ve başka dilleri) esas itibarile parçalamaktan, bu dillerin lugatlarını rus sözlerile doldurmaktan ve asırlarla bu dillerde kullanmak suretile artık asimile edilmiş „yabancı“ sözleri (mesela: şark dillerinden arab ve fars sözlerini, ukrayna ve beloruscadan leh sözlerini) atarak yerlerine gene rus sözleri vermekten ibarettir.

Ayni zamanda bu milletlerin dil gramer ve kanunlarını rus dilinin gramerine yaklaştırmağa çalışıyorlar (meselâ: prof. Yakovlefin kabardin dili grameri).

Sovyetlerin „dil kuruluşu“ sahasındaki ruslaştırma gayeretlerine karakteristik bir misal olmak üzre, Şimalî Kafkasya ölkesinin yeni alfabe komitesi ilmî kâtibi ve hali hazırda ise „Şimalî Kafkasya ve Dağıstan dilleri“ mecmuasının müdürü G.P. Serdüçenko'nun makalesini zikretmek olur. „Inkılâb ve Dağlı“ (rusca) mecmuasının 1933 tarihli 6—7 sayılı nushasında çıkan bu makalenın başlığı şöyledir: „Dil kuruluşundeki millîdemokrat aksi-ihtilâlini şiddetle darmadağın etmeli“.

Serdüçenko yazıyor, ki:

„Son zamanlarda gerek Ukraynada, Belorusyada ve Orta Asyada, gerekse bizde – Şimalî Kafkasyada müşahede edilen bir. çok hareketler burjua—milliyetçi unsurların faaliyete geçmış olduklarına delalet etmektedir. Sınıf düşmanı ekseren sovyet adamı maskasi altında hareket ediyor. Bu gibi „sovyet“ adamı maskaları altında çok zaman kolçomak (köyağası) – burjua – milliyetçi ideler yayan unsurlar gizlenmiş olur...

Ve bir az aşağıda:

„...Burjua — milliyetçi unsurların ziyançılıkları başlıca olarak genç sovyet neslini proletaryata düşman ideolojile sarmaktan ibarettir. Bu maksatle maarif sisteminin bütün teşkilatında bir çok tedbirler hayata geçiriyorlar. Onlar dil kuruluşu cephesinde dahi ciddî bir surette ziyançılık etmişlerdir“...

Serdüçenko kendi makalesini işte bu dil cephesindeki „milliyetçi tahriflerin ve ziyançılığın ifşa edilmesine„ hasretmiştir.

O ilk önce ukrayna „milliyetçi—şövenistlerinin dil sahasındaki” faaliyetlerinden başlıyor, diyor, ki:

„Dil cephesindeki ukrayna millî—ziyançılarının başlıca maksatleri Ukraynanın edebî dilile ilmî terminolojisini, milyonlarla ukrayna emekçilerinin konuşmakta oldukları canlı ukrayıncadan ayırmaktan ibarettir. Ukraynada neşredilmiş olan lugat materyallarını tetkik ettiğimiz zaman görüyoruz, ki bu müellifler şuurlu olarak ukrayna ilmî istilahlarını bir taraftan internasyonal istilahlardan, öbir taraftan da ukrayınca ile rusca için ortak olan rusca istilahlardan uzaklaştırmağa çalışmışlardır“.

Müellifi tanınmış ukrayna filologu ve millet hadimi prof. Roman Smal-Stotski olub bir müddet evvel intişar eden „Sovyet Ukraynasında ukrayna dili“ adlı eserde, geniş materyal ve vesaika istinaden, sovyet hükûmetinin yarattığı „ukrayna dilininin“ ruslaştırılmış ukrayna şehirlerinin jargonundan ibaret olduğu ve ukrayna milletinin başlıca kitlesini teşkil eden köylü zümresinin konuştuğu ukrayıncanın tabiatine muhalif bulunduğu – isbat edilmektedir.

Serdüçenko, ukrayna milliyetçilerini edebî ukrayıncayı canlı dilden ayırmakta ittiham ettigini unutarak, istemiyerekten kendisi dahi, bunu itiraf etmektedir.

Serdüçenko diyorki, ki:

„...Onlar milleti (Prof. Krımski, prof. Sulime ve başkalarından bahsediliyor) sınfî bakımdan yekpare bir kitle diye alıyorlar. Onlar „millet” dedikleri zaman hiç bir sınfî taksimata tâbi dutulmadan sıfr köylüyü alıyorlar ve köylünün dili onlar için edebî Ukrayna dilinin esasıdır. Bu suretle „millî” dil bayrağı altında mahdud—köylü dili alınıyor ve hiç sınfî parçalama yapılmıyor; aldıkları, yolbaşçı proletar sınfının dili değil, köylerin dilidir, daha doğrusu köy ağalarının yuvası olan köylerin dilidir.“

Bundan sonra Serdüçenko, sovyet dilçilerinin en aktif ruslaştırma sahası olan istilahat ve luğat mes'elelerine geçiyor ve bu hususta yalnız ukraynalılara değil, başka „millî—şövenistlere” dahi çatıyor. Meselâ, belorus „millî — demokratlarını” şöyle ittiham ediyor.

1) Belorus diline çok kısmı „orta asırların dinî kitabelerinden ve tarihî vasikalarından” alınmış arkaizm doldurulmuştur.

2) „Belorus dilinin temizliğini ve hususiyetini” muhafaza etmişler ve „ondan internasyonal istilahları atmışlardır“.

3) Belorus diline „sovyetizmin girmesine ve proletaryatın o dilin inkişafında nüfuza malik olmasına mâni olmuşlardır“.

4) Belorus dilinde rus unsurlarile savaş yürütülmüş ve beloruscayı asgarî derecede polonize etmişlerdir.

Bu da anlaşılmıştır, ki belorus „millî—demokrat-

ları „zladzey”—sözleri nazeriyesi yaratmış ve oktobrden sonra kullanılmağa başlayan bütün sözleri o kısma dahil etmişlerdir“.

„Şimalî Kafkasya dil cephesindeki ziyançılığa” naklikelam eden Serdüçenko, sovyet hükûmetinin ruslaştırma siyaseti bugünkü şiddetli şekli almadan yapılmış olan „Şimalî Kafkasyada terminoloji luğatı tanzimine dair talimat“ı tenkid ediyor. Talimatname müellİflerini istilah yaratmak için seçtikleri aşağıdaki üç yol ona hoş gelmiyor, a) Dillerindeki eski sözleri yeniletmek ve yahud mânalerini degişmek yolu, b) Söz yaratmak yolu, c) Yeni söz almak yolu—ki Serdüçenko'ya en çok hoş gelmiyen de o dur, çünkü burda ayni zamanda denilmiştir „bu yola son çare olarak müracaat edilmelidir”.

Serdüçenko diyor, ki:

„Talimatname, heyeti umumiyesile malumuz olan ihtilâl aleyhdarı millî—demokratizm metodolojisî üzerine kurulmuştur”.

„Ve pek tabiidir, ki böyle bir talimat üzerine yapılan lugatlar burjua—milliyetçi idelerini yayan bir şey olacaktır”.

Gerçekten de 1934 e kadar intişar etmiş olan şimali-kafkasya istilahat lugatları, „burjua—milliyetçi ideleri” yaymak töhmetile, meydandan kaldırılmıştır.

Asıl şimalî-kafkasyalı olan ve şimdi intişar etmiyen ”İnkılab ve Dağlı” mecmuasının vaktile müdürü bulunmuş Ahmed Tlünyayef ise „Millî istilahat yarat mak işi millî vilayetlerde medenî inkılâbın mühim cephesidir” başlıklı makalasinde („İ. ve D.„ № 8 — 1931) yazıyor, ki: „bu lugatlar ictimaî—siyasî, istilahî olmaktan ziyade millî—rus lugatleridir.”

İlk „liberal” devrin bile istilahat faaliyetini şöyle karakterize etmektedir:

„Millî mıntakalarda, millî istilahlar yaratmak için yabancı dillerden istilah almak taraftarları, yegâne me'haz ve menba olarak velikorus dilini gösteriyorlar ve beynemilel terminolojiyi temamile unutuyorlar... İşde ise onlar rus sözlerini degişmeden, millî dillere geçiriyorlar, hatta sonlarını, müennes—müzekkerliğini bile degiştirmiyorlar, beynelmilel istilahları ise, millî dillerin gramerine ve hususiyetine uydurmadam, ruscadaki şeklinde aliyorlar. Bu hususta sonsuz misallar zikretmek mümkündur.”

Neticede Tlünyayef, vaktile Serdüçenko tarafından iptal edilmiş olan „Şimalî Kafkasyada terminoloji lugatı tanzimine dair talimat” ın gösterdigi yollarla gitmeği teklif etmektedir.

Rus olmıyan milletlerin dilleri uzerinde icra edilen bu „terminolojik“ tazyik S.S.S.R. in her yerinde ayni şiddetle devam etmektedir. „Souk fin kayalarından ateşli Kolhıdaya kadar” bütün dillerin ve şivelerin istilahları ruslaştırılıyor. Ve bu zaman, daha yakın zamana kadar „yazıya malik olmıyan“ bazi milletlerin edebî an'aneden mahrumiyetlerini kurnazca istifade ediyorlar. „Yeni sovyet istilahları” rus olmiyan milletlerin diline yalnız Serdüçenkoların tertib ettikleri „terminoloji lugatleri“ tarikile değil, ayni zamanda millî otonomilerin piyasalarını dolduran tercüme edebiyatile de girmektedir.

Bu tercüme edebiyatının rolunu „dilçi“—russifikatorlardan*) A. K. Borovkov'un şu sozleri bize izah etmektedir:

„Edebî dilin inkılâbî kuruluşunda tercüme edebiyatının rolu fevkalâdedir. Bu tercüme edebiyatı de rus ve ecnebi edebiyatı (sonuncu şüphesiz, ki rusca tarikile—B. K.), ilme ve fenne aid bir çok kitab ve risaleler, marksizm klassiklerinin eserleri v. s. den ibarettir. Bu tam manasile dilin inkilâbı demektir.” Büyük devletçi rus şövenîzminin modernize edilmiş şekli olan rus marksizmi şuurlu olarak dillerimizde inkılab yapıyor, bir inkılâb, ki son hedefini, müteşebbüslerinin fikrinde, Stalinin dediği „bütün millî kültürlerin bir tek kültür ve bir ortak dil halinde birleşmesi” teşkil eder. O ortak kültür de rus kültüründen, o ortak dil de rus dilinden ibarettir.

Dil kuruluşu denilen faaliyetin son hedefi işte budur. Bu vaz'iyeti cihan efkâri umumiyesi karşısında ifşa etmek bugünun bizlere emrettiği vazife olmalıdır.

*) „Yazık i Mişleniye“—cüz II. „Uzbekskaya literatura” makalesi.

Б. Билатти

Значение милитаризации Прирейнской зоны

Для того, чтобы оценить по достоинству и об'ективно значение акта 7 марта 1936 г., процессуально быть может не совсем согласующегося с буквой международного права, но тем не менее вполне умотивированного политическим весом Германии и ее насущными интересами, — необходимо сделать некоторое отступление к тем временам, когда строилось версальское здание международных отношений и Германия сковывалась целым рядом стеснительных, зачастую оскорбительных, ограничений.

Пожалуй, ни один договор в истории человечества не налагал на побежденную сторону столь тяжких обязательств, какие были наложены на Германию по букве Версальского трактата. Германия потеряла не только все свои колонии, но и шестую часть европейской территории, из которой только польские земли, возвращенные возрожденной Польше, не были этнографически немецкими. Германия была лишена права иметь регулярную армию, воздушный флот, должна была разоружить все укрепления и снести их, не могла иметь артиллерию тяжелых калибров и подводных лодок, а ее надводный военный флот был ограничен установленным победителями минимальным тоннажем. Она совершенно не имела права иметь гарнизонов в Прирейнской полосе, включающей в себе весь левый берег Рейна шириной на восток в 50 километров. Мало того, она обязалась отдать победителям все торговые суда большого тоннажа (свыше 1600 тонн), половину мелких кораблей, четвертую часть рыболовных судов и пятую —

речной флотилии. Ежегодно, в течении 5 лет, она должна была уступать державам Согласия ряд новопостроенных кораблей, с общим тоннажем в 200 тыс. тонн, в качестве возмещения потерь, причиненных во время войны германским подводным флотом. В течении 10 лет победители должны были получать от Германии сначала 41 млн., а затем 44 млн. тонн каменного угля в год. Богатейшая Саарская область, сердце промышленной Германии, перешла на 15 лет под управление Лиги наций и была оккупирована войсками Антанты. Германские речные порты становились доступными для судов Антанты, которые могли пользоваться ими без специального разрешения германского правительства. Наконец, размер денежной контрибуции был определен астрономической суммой в 132 миллиарда золотых марок, не считая 6 миллиардов, особо признанных Бельгии.

Но кроме упомянутых обязательств, Версальский трактат предусматривал целый ряд иных сервитутов, уже и морального характера, в неменьшей степени оскорбляющих национальную гордость германского народа и ограничивающих его суверенитет. Условия мирного договора официально признавали Германию виновницей войны, германское правительство обязывалось выдать державам-победительницам своих граждан, обвиненных в нарушении международного права в процессе ведения войны, и т. п.

Не удивительно поэтому, что все усилия германской внешней политики после войны были направлены к тому, чтобы как можно скорее освободиться от обязательств, принятых под вооруженным давлением держав-победительниц, и сбросить тяжелое ярмо стеснительного договора.

По началу Германия пошла по линии наименьшего сопротивления, ища поддержки для своих стремлений в Советской России, в те времена также резко отрицательно относящейся к системе, созданной Версальским трактатом. Во время конференции в Гэнуе, между Германией и Россией быстро был найден общий язык, а 17 апреля 1922 года подписан был договор в Рапалло, ставящий мир перед фактом союзных отношений между Веймарской республикой и Советской Россией. Державы Согласия ответили на это оккупацией Рурского бассейна, которая, согласно официальных заверений, связывалась с пассивным сопротивлением Германии при выполнении репарационных обязательств, фактически же должна была пресечь в корне всякого рода поползновения к реваншу.

Но Англия, верная традициям своей европейской политики, согласно которых никто в Европе не может быть гегемоном, и обеспокоенная усилением Франции, игравшей на континенте доминирующую роль, вернулась к принципу „balance of power" и принялась восстанавливать нарушенное в Европе равновесие. В результате, благодаря давлению Англии в Париже и поощрению ею германских вожделений в Берлине, появилась система т. н. Локарненских договоров, которые составили Рейнский пакт, торжественно подписанный в Лондоне 1 декабря 1923 г. представителями Англии, Франции, Италии, Бельгии и Германии.

„Германия — говорил Штреземанн, инициатор упомянутого пакта со стороны Германии — находилась перед дилеммой: или выступить с инициативой пакта безопасности или же согласиться с тем, что Франция взамен за эвакуацию Рейнской полосы введет там какую-нибудь систему нейтрализации под контролем Лиги наций"... „Из двух зол выберем меньшее" — резюмировал он свою мысль.

В этом выборе „меньшего зла" кроется тот „добровольный характер", который приписывается сейчас Локарненским договорам теми, кто обвиняет Германию в их нарушении.

Но Германия, хотя и добилась преждевременного освобождения оккупированных земель, тем не менее не избегла последствий, которых так опасался Штреземанн. 42, 43 и 44 параграфы Версальского трактата, предусматривавшие создание Прирейнской разоруженной зоны, вошли без изменений и в Рейнский пакт. Усилия германской политики в этом важном вопросе оказались безуспешными и не в состоянии были прорвать солидарного фронта контрагентов Локарненских договоров. В конечном итоге, Локарненские договоры не на много облегчили судьбу Германии.

Нет сомнения в том, что близость к Советской России, не давая Германии никаких реальных гарантий, способствовала распространению в ней коммунистических идей, и, обостряя таким образом внутренние противоречия среди германского народа, не только не облегчала борьбу за равноправие, но, наоборот, ослабляла еще более международные позиции Германии.

И только приход к власти Хитлера и национал-социалистической партии, принесший с собой небывалый патриотический под'ем и сконсолидировавший германскую нацию как никогда дотоле, позволил вести борьбу за равноправие новыми методами, вскоре уже давшими решающие результаты.

Международная политическая коньюктура, назревшая к началу 1935 года, и зарисовавшееся сближение между Францией, Чехословакией и Советской Россией, с недвухзначным намерением окружения Германии, дали повод канцлеру Хитлеру восстановить в Германии 16 марта 1935 года закон о всеобщей воинской повинности и приступить к реорганизации германской армии на основе этого закона.

Военные союзы—франц.-советский (2-V-1935) и чехословацко-советский (16-V-1935), содержание которых—как гласит германский меморандум, представленный на Quai d'Orsay 25-V-1935,—противоречит „букве и духу" Локарненских договоров, ускорили борьбу за равноправие и дали возможность без особенного труда и осложнений избавиться от последнего сервитута, наложенного на Германию Версальским трактатом: от ограничения суверенитета Германии в Прирейнской полосе.

Еще за долго до ратификации упомянутых выше договоров—в том же месяце, в котором они были подписаны,—канцлер Хитлер заявил, что будет придерживаться постановлений Рейнского пакта „так долго, как долго будут им верны и иные контрагенты". Этим путем Франция была предупреждена заблаговременно о последствиях, которые будет иметь военное соглашение с Советской Россией. Дав понять Франции, что в случае осуществления францусско-советского пакта германское правительство,

будет считать условия договоров в Локарно нарушенными, Хитлер снимал с себя всякую ответственность за дальнейшее и в то же время приобретал моральное право действовать по своему усмотрению.

Поэтому, когда 27 февраля 1936 года французский парламент ратифицировал французско-советский пакт взаимной помощи, являющийся в сущности союзным договором, а 4 марта и сенатская комиссия, высказалась большинством голосов за его ратификацию,—Хитлер, стоя на страже интересов Германии, об'явил 7 марта, что т. н. Локарненские договоры уже не обязывают Германию, а 8 марта германские войска вступили в Прирейнскую зону. Факт этот освободил окончательно Германию от стеснительных обязательств Версальского трактата и дал ей возможность без всяких ограничений вести борьбу против советского наступления, которое пытается охватить национал-социалистическую Германию стальными клещами антигерманских военных союзов.

Таким образом, 7 марта 1936 г. была уничтожена последняя преграда, ограничивающая обороноспособность Германии и препятствующая занять ей надлежащее место в ряде иных национальных государств Европы и Азии, противопоставляющих себя растущему натиску русско-коммунистического империализма. В этом заключается для нас значение события 7 марта 1936 г. и поэтому оно и для нас имеет свою высокую ценность.

Догуж

„Дело коммунизма—в испытанных руках"

В последние годы и среди кремлевских владык царит своеобразная мода „официозных бесед" с представителями иностранной прессы. Мода эта заимствована с Запада, где она приобрела особенное распространение в государствах авторитарных, называемых в жаргоне коминтерна „фашистскими". Как и в заправских „фашистских" странах, подобного рода беседы служат Москве дополнением нормальной дипломатической работы, которая ведется органами комиссариата иностранных дел. „Авторитетные заявления" должны в данном случае подкреплять позиции Литвинова и подчиненных ему учреждений, инспирируя в соответствующем направлении общественное мнение мира.

Но несмотря на внешнее сходство, тактика „бесед" кремлевских владык резко разнится от аналогичной тактики их „фашистских" антиподов. В то время как у последних слова находятся в полной гармонии с реальными починаниями, в то время как вожди европейских авторитарных режимов идут к цели прямыми путями, знакомят мировое общественное мнение с своими действительными намерениями—вожди коммунистической Москвы и здесь предпочитают тактику мимикрии и подвоха, ведут игру крапленными картами.

Наиболее характерным примером такого гешефтмахерства является недавняя „беседа" Сталина с г. Роем Ховардом, руководителем американского газетного треста „Скриппс-Ховард Ньюспейперс". В беседе этой Сталин превзошел все практикуемые до сих пор большевиками формы политического обмана, сгустив краски до такой степени, что обман превратился в обыкновенное, неприкрашенное советское вранье. Вот, например, наиболее показательные выдержки из беседы:

Ховард — Не считаете-ли вы, что и в капиталистических странах может существовать обоснованное опасение, как бы Советский союз не решил силой навязать свои политические теории другим народам?

Сталин — Для подобных опасений нет никаких оснований. Если вы думаете, что советские люди хотят сами, да еще силой, изменить лицо окружающих государств, то вы жестоко заблуждаетесь Советские люди, конечно, хотят, чтобы лицо окружающих государств изменилось, но это дело самих окружающих государств. Я не вижу, какую опасность могут видеть в идеях советских людей окружающие государства, если эти государства действительно крепко сидят в седле.

Ховард — Означает ли это ваше заявление, что Советский союз в какой либо мере оставил свои планы и намерения произвести мировую революцию?

Сталин — Таких планов и намерений у нас никогда не было.

В дальнейшем, перефразируя известное изречение Муссолини, Сталин говорит: „Экспорт революции — это чепуха... Утверждать, будто мы хотим произвести революцию в других странах, вмешиваясь в их жизнь, это значит говорить то, чего нет и чего мы никогда не проповедывали".

Так, не моргнув — вероятно — глазом, Сталин старался внушить американскому журналисту заведомую ложь — то, чего действительно нет и не было и что находится в резком противоречии с той работой, осязаемой все более и более, которая подготавливает приход всемирной керенщины и грядущего за ней „мирового октября" и которая с особым размахом ведется после VII конгресса коминтерна.

Но особенно знаменательным в этой попытке открытого обмана является то, что руководит всей разрушительной акцией сам Сталин, что сам инициатор беседы с г. Ховардом является тем „советским человеком", который разрабатывает стратегические планы по реализации „мировой революции", который работает над тем, чтобы изменить „лицо окружающих государства" в соответствии с этими планами.

Об этом говорят нам не только „бурные овации", которыми встречаем был Сталин во время VII конгресса коминтерна и прочих инсценировках „международной солидарности трудящихся", но и прямые указания авторитетных советских источников, заслуживающих в данном случае полного доверия.

Вот как, например, характеризует роль Сталина

передовая „Правды", официального органа ВКП(б), которой Сталин является единовластным и полным хозяином. В номере, посвященном 15-летию коминтерна (4-III-1934), мы читаем:

„Да, лед тронулся! Из Австрии, из Германии, из Франции, из Китая, из Японии, из Индии — отовсюду доносятся мощные удары начинающегося нового революционного ледохода. Лед тронулся! Все свидетельствует о том, как быстро надвигается новая революционная весна. Капиталистический мир вплотную подходит к новому туру революций и войн. Знамя Ленина—Сталина становится знаменем миллионов и десятков миллионов трудящихся. Дело коммунизма—в верных руках ленинского коммунистического интернационала, в испытанных руках величайшего стратега пролетариата и полководца революционных армий — Сталина. Исторический перевал близок. Знамя советов будет развеваться во всем мире".

„Дело коммунизма — в испытанных руках"... Разрушительная работа, раскаты которой все чаще и чаще слышны над миром, находится в руках фактического главы государства, представители которого заседают в Лиге наций, которое приобретает все большее и большее влияние на судьбы европейской политики... И неужели г. г. Ховарды не могут понять этой, казалось бы так простой, правды?!...

Магомет Чукуа

Советское казачество

Очередной советской „сенсацией" является регенерация казачества, проводимая с большим размахом и, несомненно, по определенному плану с начала т. года. Процесс этот охватил пока территорию б.б. Терской, Кубанской и Донской областей и Ставропольской губернии -- т. е. земли, или входящие в состав Северного Кавказа или соседящие с ним. Нет надобности пояснять, что указанное решение сов. правительства имеет для национального Северного Кавказа большое значение и требует широкого внимания.

Все свидетельствует о том, что решение это подготавливалось издавна. Уже несколько лет тому назад начата была „реабилитация" казачества, роль которого в недавней гражданской войне советской историографией представлялась в большинстве случаев резко отрицательно. В порядке этой „реабилитации" целый ряд книг подвергся осуждению и был из'ят из обращения.

Особенно характерны в этом отношении многочисленные работы Н. Янчевского и книга (в 2-х томах) И. Борисенко — „Советские республики на Северном Кавказе", из'ятые из обращения в 1933 г. Советская критика, в лице некоего Н. Буркина, приписывает обоим авторам „антиленинские извращения в литературе по истории октябрьской революции и гражданской войны у горских народов" (см. статью Н. Буркина под тем же заглавием в № 36 „Историка марксиста"). Н. Янчевский обвиняется в „систематически и повсюду проводимом взгляде", который, по мнению Буркина, находит свое выражение в следующей фразе, заимствованной из книги Янчевского „От победы к победе": „Таким образом, население Северного Кавказа прежде всего делилось на угнетенные национальности, к которым принадлежали горские и степные народы, и угнетателей — русское население, авангардом которого являлось казачество". Борисенко же обвиняется, во первых, в „идеализации кулачества". Обвинение это иллюстрируется Буркиным следующей выдержкой из книги Борисенко: „Нельзя не отметить особо решительного поведения кулаков иногородних из некоренного населения на этом этапе борьбы. Кулаки иногородние, Таганрогского и Сальского районов, проявили необыкновенно большую энергию в борьбе за советы, которые для них были знаменем борьбы за землю в первую очередь". „Идеализация кулачества — пишет Буркин в пояснении к этой цитате — у Борисенко не случайна. Ее мы находим в его очерке о Кубани, где говорится, что „за советскую власть боролся еще и иногородний кулак из «пришлых»".

Во вторых, Борисенко „пытается реабилитировать и горскую буржуазию", т. к. пишет: „За революцию буржуазия гор не могла пойти из-за своей сущности, против нее и за белоказачье движение ей не было резона, ибо все экономические выгоды на случай победы в гражданской войне получала не она. Генеральная позиция кубанских горцев в целом в октябре (т. е. во время утверждения „завоеваний октябрьской революции"; у Буркина: „в Октябре" — М. Ч.) была нейтральной". В конце же концов „основные методологические ошибки" Борисенко, „как и у Янчевского", сводятся к „противопоставлению всего казачества всему иногороднему населению".

Так начата была „реабилитация" казачества.

Следующим этапом было „восстановление в правах" слова „казак" на страницах ежедневной советской печати, где оно издавна уже старательно избегалось, а если и употреблялось, то только в качестве слова явно „неблагонадежного" (не считая, конечно, первых времен большевизма, когда в моде были „красные казаки"). Это „восстановление" прошло не без известной помпы. Слово „казак" появилось в форме, воскресающей в памяти „великие дни октября". „Открылся первый Северо-Кавказский с'езд крестьянских, горских, казачьих и красноармейских депутатов" — извещала не без пафоса газета „Северо-Кавказский большевик" в январе 1935 года, хотя речь шла всего на всего об очередном с'езде советов (см. № 10 ж. „С. К.").

Затем, до ноября 1935 года, все опять вошло в прежнюю колею и ничто, казалось бы, не предвещало, что казачество в СССР находится на пороге „восстановления", что, за „восстановлением в правах" слова „казак", последует „возрождение" самого института казачества.

Первая ласточка нео-казачьей весны появилась и на этот раз в „Северо-Кавкасском крае", наиболее беспокойной окраине СССР, где взаимоотношения между коренным населением и пришлым русским наиболее обострены. Ласточкой этой был призыв „возродить лучшие казацкие традиции—конный спорт, джигитовку, умение владеть шашкой, меткую стрельбу, смелость, удаль, бесстрашие", с которым обратился к „делегации Суворовского района" в конце октября 1935 г. секретарь крайкома ВКП(б) Евдокимов (ж. „С. К." № 19).

В декабре же, а в особенности с января 1936 года, казачество стали возрождать „стахановскими темпами", распространив, как мы отметили в начале, процесс возрождения на территории б.б. Донской, Кубанской, Терской областей и Ставропольской губернии. Местная краевая печать, газеты "Молот" и „Северо-Кавкасский большевик", начали посвящать „восстановлению лучших казацких традиций" целые страницы почти в каждом номере, зачастуя впадая в лирические тона и временами оперируя чуть-ли не языком сепаратистической казачьей печати в эмиграции. То-же самое мы видим и на страницах „Правды" и „Известий". Вот, например, образцы этой новоявленной советской „лирики":

„Казаки кавкасские действительно славились в старину своими знаменитыми певцами и хорами. Еще в 1907 году (нечего сказать, „старина"!—М. Ч.) в Тифлисе были изданы сборники прекрасных старинных казацких песен, записанных и отредактированных краеведом любителем М. О. Колотилиным.

Тексты замечательных гребенских песен приводит в своей повести „Казаки" Л. Н. Толстой. О старинных казацких песнях неоднократно упоминают в своих записках и другие писатели, бывшие на Кавказе.

Очень часто эти песни, написанные по заказу начальства полковыми поэтами-специалистами, попав в среду казачества, быстро приобретали совершенно иной оттенок. С них быстро слетал урапатриотический налет, приданный авторами. В тексте же сохранялись лишь картины тех трудностей и лишений, которые несла с собой казачья походная жизнь"... и т. д. („Сев.-Кавк. б." 9.XII.1955).

Или же:

„Дон еще под льдом, в проталинах и полыньях. Хутора лежат по берегам его, спрятав белые хаты в густом вишенье, в садах. По правую руку лежит хутор Поповский, повыше у бугра, где, по преданиям, стоял когда-то межевой столб с зарытой под ним „золотой книгой" с дарственной записью на донские земли, стоит хутор, так и называемый Рубежным.

Это исконные (!) казацкие земли. Отсюда выходивших в года провожали на службу в 12-й казачий полк на дальнюю австрийскую границу, в Радзивилов. Тех, что повыше—9 вершков сверх двух аршин—провожали в Петербург, в лейб-гвардии казачий полк. На базах рядом с рабочими быками стояли добрые, как из теста валяные, крутобокие дончаки—служивые казачьи лошади. В избах под иконами висели одинаковые мертвые фотографии чубатых казаков, в сундуках хранились казачьи мундиры и клинки.

Теперь все эти хутора—Поповский, Рубежный, Пухляковский—об'единились в один колхоз „Красный октябрь." Молодежь, выходящая в года, уходит служить в красные кавалерийские полки и хранит свои форменки рядом с отцовскими мундирами. Кони сведены на ферму, быки стоять по воловням, рядом с тракторным отрядом казака Чеботарева"... и т. д., в том же тоне эпического повествования („Правда" 10.III.1936).

Как видим,—„идиллия" полная. В то время, как среди нерусских народов СССР все старое—в быте, обычаях, песнях и т. п.—подвергается осуждению и преследованиям,*) „казачья старина" (и, заметим, совсем не так отдаленная) дождалась лирических восторгов на страницах широко распространяемых органов советской печати.

Но советские „восстановители казачества" не ограничиваются только печатной идеализацией „казачьей старины" и „старинных казацких песен". „Казачий дух" возрождается и целым рядом практических мероприятий. В станицах и русских селах образуются „казачьи хоры", организуются команды „ворошиловских всадников", которые обучаются, как и в царские времена, специальными инструкторами. „Казачья форма" опять получила права гражданства: донцы красуются „в шароварах с лампасами, казачьих фуражках или папахах, кубанцы—в черных черкесках с газырями, в красных бешметах и брюках с кантами, кубанских шапках с красным верхом, в красных башлыках и черных бурках, вооружены шашками, кинжалами"**)—одним словом, все—„как полагается", „честь честью", вплоть до отличительных цветов старых царских казачьих полков, „всемилостивейше утвержденных его императорским величеством".

Мало того, восстановлено даже звание „почетных казаков", не менее густо пахнушее „старым режимом". Сам Сталин удосужился вспомнить, что в 1925 году станица Горячеводская, праздновавшая 100-летие своего основания, сделала его своим „почетным казаком": в марте т. г. на страницах советских газет появилось факсимиле письма Сталина, в котором „гениальный вождь" просит принять „братскую благодарность за оказанное доверие" и клянется „служить верой и правдой рабочему классу и всем трудящимся нашей великой страны". В „почетные казаки" (станицы Сторожевой) попал и секретарь крайкома ВКП(б) Евдокимов и некоторые другие совсановники.

Не менее интересные метаморфозы претерпевают и „старинные казацкие песни"—т. е. все казачьи песни, возникшие до „октября". В этих песнях, если не воспеваются различные казачьи и просто генералы или же сам „царь-батюшка", все остается по старому, несмотря на то, что в них сплошь и рядом фигурируют и „турка неверная" и прочие „басурмане", при этом в форме, отнюдь не соответствующей лозунгам „ленинско-сталинской национальной политики". Но „царя-батюшку" и генера-

---

*) Так например, почти одновременно с началом рассматриваемой нами кампании, со страниц северо-кавкасских советских газет совершенно исчезли произведения горского фольклора, появившейся там на короткое время после известного обращения Максима Горького к советским писателям, в котором рекомендовалось изучать народное творчество и черпать в нем вдохновение.

**) „Молот", 5-III-1936.

лов пока еще изгоняют из казачьей песни, заменяя, в зависимости от обстоятельств, царя—Сталиным, а генералов—маршалами, командармами и т. д. Нужно заметить, что разница в конечном итоге получается незначительная. Вот как, например, некий „дед Скиба" (станицы Приближной, Каб.-Балк. авт. области) переделал слова одной из популярных казачьих песен:

Раньше пелось —

„Скажи нам царь одно лишь слово:
«А ну ка, братцы казаки!»
И все казачество готово
Послать на бой свои полки"...

А ныне, „с легкой руки" деда Скиба, поется: —

„Пусть скажет Сталин свое слово:
«Давайте, братцы казаки!»
И все казачество колхозов
Пошлет на бой свои полки"...

(„Сев.-Кавк. б." 16-III-1936).

Что же кроется за всей этой суетней и шумихой: к чему большевистским заправилам понадобилось „советское казачество" и что из себя будет представлять это казачество?

Ответ на это мы можем найти в словах ответственных партийных и военных руководителей, которые были сказаны на „встрече казачества Дона, Кубени и Терека" в марте т. года в Ростове на/Д. Здесь выступали „маршал Советского союза" Буденный, „командарм" Каширин (ком-щий Сев.-Кавк. военным округом), Шеболдаев и Евдокимов—секретари азово-черноморского и северо-кавказского крайкомов ВКП(б).

Особенно характерны речи двух последних.

„Эта встреча — говорил Шеболдаев — для самих казаков означает очень многое. Ибо она подводит навсегда черту под всем тем тяжелым и мрачным прошлым, которое еще порою тяготело над казачеством. Ведь, до настоящего времени даже та часть казачества, которая полностью доказала свою преданность колхозам, которая доказала свою готовность защищать советскую родину, даже эта часть казачества не любит вспоминать свое казачье происхождение, стыдясь своего прошлого. Нередко есть еще среди казаков такие, которые чувствуют себя как бы в положении побежденных. Ясно, что даже при остатках таких настроений не может быть полной, настоящей самоотверженной работы, действительного единодушия, действительного под'ема во всех наших колхозных делах".

И далее:

„Есть такие товарищи, которые и сейчас не понимают, почему мы ставим вопрос о казачестве. Говорят, что этим можно даже оживить старую рознь среди казачества и остального населения. Это совершенно неправильно. Наоборот, только когда мы подведем открыто и навсегда черту под мрачным прошлым казачества, когда покончим с затаенными сомнениями в своем равноправии, когда эти сомнения окончательно у казаков отпадут—вот тогда действительно у нас будет единая семья тружеников в наших станицах, в наших селах. (Аплодисменты, крики „ура").

Именно для того, чтобы показать это, мы создали наши конные казачьи сотни в старой форме донского, кубанского и терского казачества, в той форме, которая в свое время разделяла нас от казаков. И этим подчеркиваем, что сейчас, несмотря на эту форму, мы—единая колхозная семья. (Аплодисменты, крики „ура")"... („Молот" 23-III-1936).

Последнее утверждение, утверждение о „единой колхозной семье", несомненно, преувеличено и попахивает обыкновенным советским бахвальством: антиколхозные и даже антисоветские настроения среди казачества существуют, как существуют они, в той или иной степени, в иных районах СССР. Но зато, не только из этой тирады, но и из всей акции по восстановлению казачества, мы можем сделать вывод, что организованное и наново военизированное казачество уже не представляет опасности для советской власти—иначе власть никогда на это не пошла бы!

Чем же это об'яснимо? Во-первых, общим и значительным ослаблением казачьих позиций в т. н. казачьих краях. Донское, кубанское и терское казачества (наверное и другие также—во всяком случае, оренбургское, уральское и астраханское) понесли огромную убыль в людях в процессе гражданской войны и в период активной борьбы против колхозов—особенно пострадали кубанцы и терцы. Казаки в станицах находятся теперь всюду в меньшинстве, тогда как т. н. иногородний элемент значительно возрос, усилив таким образом еще более свое численное преобладание над казаками.

Затем, несомненно, усиленное „расказачивание", проводимое до сих пор, уже дало результаты и „казачий дух" казаков—особенно молодежи—далеко не тот, каков был в царские времена или же в годы гражданской войны. Ибо большевики в гораздо большем масштабе, с включением всего казачества, проводили то, что в свое время царское правительство провело с 11-тью (кажется) селами ставропольских крестьян, которые в 30-тых годах прошлого столетия, в числе иных сел, были обращены в казаки, а затем, после окончания кавказской войны, за ненадобностью снова расказачены. Уже в ближайшем же поколении у этих крестьян не осталось „казачьего духа" и, как замечает М. Владыкин в своем „Путеводителе и собеседнике в путешествии по Кавказу" (Москва, 1885), своей судьбой они были „очень довольны".

Некоторые факты позволяют предполагать, что и в теперешней казачьей среде (исключая, конечно, казачью эмиграцию) происходил подобный процесс психологического расказачивания и что этот процесс дал известные результаты.

Показательна в этом отношении обстановка, сопровождающая организацию „казацких хоров", которые по плану должны быть образованы в каждой станице. Оказывается, в хорах принимают участие преимущественно старики—люди, прошедшие „старорежимную" казачью школу. Так например, в станице Стодеревской „самый молодой певец в хору насчитывает 54 года" („Сев.-Кавк. б." 15-I-1936). Из пожилых людей состоит и донской базковский хор, гастролировавший в Ростове и даже в Москве. Фотографию его участников помещает газета „Молот" (26-III-1936)—это все люди, жившие во всяком слу-

чае полной жизнью уже в дореволюционные времена. Наконец, в станице Советской (б. Государственской) „поют в хоре преимущественно пожилые казаки—замечательные песенники станицы („Сев.-Кавк. б.“ 10-I-1936). Молодежь же находит себе иное применение. В той же Советской станице „живгазетный кружок“ состоит „исключительно из молодежи и комсомольцев“ и „бичует в своих выступлениях все недостатки в работе района и в художественной форме отражает достижения стахановцев колхозных полей („Сев.-Кавк. б.“ 10-I-1936; та же самая корреспонденция).

Трудно нам, не „советским людям“, уяснить, что означает „отражать в художественной форме достижения стахановцев колхозных полей“ и, вдобавок, в порядке „живгазетной“ работы. Но из приводимых фактов можно, все же, сделать вывод, что казачья молодежь стала забывать аксесуары казачьего быта, в данном случае казачью песню, и восстановление их пока не вызывает в ней энтузиазма – она предпочитает вести работу в комсомольских кружках.

Ослабленное, потерявшее не менее двух третей своего состава казачество, казачество, в котором и процесс психологического расказачивания, только что нами отмеченный, произвел значительные опустошения, особенно среди молодежи, казачество, лишившееся своих командных позиций,—уже не представляет из себя той силы, каковую представляло оно к началу гражданской войны, когда с фронта мировой войны вернулись в станицы многочисленные казачьи полки, когда, несмотря на общую разруху, продолжала работать заведенная при царизме казачья военная машина, когда каждый казак знал, к какому полку, сотне, батареи и даже взводу он принадлежит, и мог в любое время прибыть на сборное место вооруженным и снаряженным. Учитывая именно этот момент, советская власть приступила к реституции остатков казачества. Социальная активность казачества подавлена, сведена почти на нет многими репрессиями и преградами, а, ведь, в недавней его борьбе с советской властью именно эта активность была главным двигателем!

Однако, все это еще не об'ясняет истинной причины реституции казачества. Это лишь предпосылки, позволяющие советской власти итти на такую реституцию. Но где в таком случае настоящая причина? Чем об'яснить довольно неожиданную „милость“ красной Москвы к казачеству?

Западно-европейская печать склонна об'яснять все „алармистскими“ настроениями, которые существуют в Москве в связи с ожидаемой внешней войной. Казачьи полки, говорят многие, нужны-де советской власти на фронтах внешней войны и потому она „заигрывает“ с казаками. В доказательство делаются ссылки на советскую печать и некоторые выступления советских сановников, в которых подчеркиваются именно эти моменты.

Но такое толкование нам кажется ошибочным и вытекающим из незнания исторических этапов возникновения казачества и роли, какую оно играло в т. н. императорский период русской истории. Выступления же, из которых исходит европейская печать, мы считаем лишь маскировкой истинных целей, преследуемых „восстановителями казачества“.

Боеспособность советской кавалерии отнюдь не усилится от создания особых казачьих полков. Не надо забывать, что принцип иррегулярности при формировании—а казачьи полки, как видно, по прежнему будут иррегулярными, „со своим колхозным конем и снаряжением“ (слова Шеболдаева) — всегда понижает боеспособность частей и что в царские времена многие военные авторитеты ценили боеспособность регуллярной кавалерии выше казачьей и этим об'ясняется то, что в действующих русских армиях для вспомогательной службы предназначались почти исключительно казачьи полки.

Казачество создавалось царизмом для иных целей: задачей казачества была военная колонизация рубежей империи и закрепление их этим путем за русской государственностью. Со времен Петра I, Россия, используя уже имеющиеся казачьи кадры, созидала на своих границах, в буквальном смысле, „вооруженный народ“, который своей массой и линией станиц творил своеобразную „китайскую стену“ империи. В этом процессе, „исторические казаки“—казаки времен Ермака и Степана Разина—творили остов, вокруг которого происходило оказачивание безформенных крестьянских масс, десятками тысяч переселяемых из центральных губерний. В дальнейшем и эти последние, наряду с условиями пограничной „беспокойной“ полосы, начинали играть роль „оказачивающего“ начала для новых переселенческих волн кандидатов в казаки.

„Сунженская и Лабинская линии,—пишет М. Владыкин в уже цитированном „Путеводителе“—основанные в сороковых годах (XIX столетия — М. Ч.) и составленные большей частью из женатых солдат, государственных крестьян и разного рода пришлых людей, с очень малой прибавкою настоящих линейцев, вскоре стали образцовыми линиями“.

Так происходило „оказачивание“, так созидалось казачество во времена царизма.

После окончания кавкасской войны, в правительственных кругах существовали тенденции ликвидировать казачество. Эти тенденции нашли частично выражение в уже упомянутом расказачивании ставропольских крестьян. Отражает их и М. Владыкин в своем „Путеводителе“. „Война на Кавказе окончилась,—пишет Владыкин, описывая свои впечатления из поездки по Кавказу в 1872 г.,—казачество сослужило свою службу и в настоящее время, мало-помалу, теряет прежний внутренний смысл“... Но постоянные волнения на Северном Кавказе, а в особенности восстание 1877—78 годов, показали правительству, что рубежи империи далеко еще не стабилизированы и казачество не потеряло еще „прежний внутренний смысл“.

И вот, утверждаем мы, к этому убеждению сейчас пришло и советское правительство. Сегоднешний казачий ажиотаж в СССР имеет в виду не создание пары-другой казачьих полков в составе красной армии, но нечто более обширное: военизирование поселений всего „русского юга“, „оказачивание“ всего русско-славянского населения б.б. Донской, Кубанской, Терской областей и Ставропольской губернии! Подтверждение находим мы опять-таки в выступлениях Шеболдаева и Евдокимова. Вот как говорит об этом Шеболдаев:

„...Когда здесь казаки говорят о том, чтобы создать кавалерийские дивизии, полки, сотни—донские, кубанские, терские, что мы думаем? Хотим ли мы, чтобы казаки отделились от других наших колхозников? Хотим ли мы, чтобы в казачьих кавалерийских частях, кроме казаков, не было остальных колхозников, рабочих? Я думаю, что нет. Я думаю, что вместе с казаками в этих наших казачьих кавалерийских частях будут и наши красные партизаны, и наши герои Таманской армии, герои первой конной армии и пролетарии Ростова, Таганрога, Шахт и других городов (аплодисменты, все встают, крики „ура"), то есть, будут все те, кто населяет наш чудесный край"...

Затем:

„...Вот и сейчас в прибывших сюда казачьих сотнях нмеются не только казаки, а и другие колхозники, достойные герои и на фронте боев за революцию, и на фронте труда. Именно в этом смысле мы можем думать о том, чтобы все наше население стало боевыми кавалеристами, стало действительным оплотом обороны нашей страны. В этом смысле мы можем желать, чтобы весь наш край, все наши станицы, все наши колхозы и села стали казачьими. (Аплодисменты)"... („Молот" 23-III-1936).

Евдокимов же еще более уточняет сказанное Шеболдаевым:

„Я не сомневаюсь в том,—говорил он—что колхозные казаки с радостью будут приветствовать, если тот, кто раньше считался иногородним, наденет казачью форму. Что такое иногородний? Вдумайтесь в это слово—„из иного города", пришелец. Кто теперь в наших условиях, при советской власти, при колхозном строе, может быть пришельцем, а не хозяином? Это слово „иногородний" нужно выбросить из употребления. Азово-Черноморье и Северный Кавказ—края огромных кавалерийских резервов. Люди, живущие здесь, и казаки и бывшие иногородние, должны быть прекрасными кавалеристами"... („Молот" 22-III-1936).

„Казачьи полки" должны быть одной из составных частей всей акции. В этих полках, как и во времена царизма, обращаемые в казаки крестьянские массы должны пройти более детальную школу казачьей выучки, проникнуться более полно „казачьим духом". Роль „настоящих линейцев", о которых говорит Владыкин, носителей этого духа, должны выполнять остатки казачества. Эта мысль у Шеболдаева выражена следующим образом:

„...Мы возьмем то, что было хорошего, боевого у казачества, мы передадим это все остальному нашему населению, которое во время гражданской войны дало примеры боевой доблести, и создадим из нашего колхозного края несокрушимую крепость нашей великой родины"... („Молот" 23-III-1936).

Повторяем, такого рода комбинация, такого рода заимствование „боевого у казачества" с одновременной реставрацией его быта, не представляет уже для советской власти опасности, хотя бы только потому, что старое, довоенное, казачество почти совершенно уничтожено. И мы нисколько не преувеличиваем, когда говорим об „остатках казачества".

„На совещании казаков-ударников в Темрюке—пишет варшавская газета „Меч" (№ 18) вслед за агентством „Крестросс"—было установлено, что в Ейском, Таманском и Славянском районах Кубани, на 1-ое марта станичными советами зарегестрировано подлинных казаков всего 10268 лиц обоего пола".

То есть, в наиболее казачьих районах во времена царизма, где расположены огромные станицы с многотысячным прежде казачьим населением, „подлинных казаков" почти не осталось. Еще более пострадали казаки в районах активных антиколхозных выступлений в 1932 и 1933 г.г., когда население целых станиц, от мала и до велика, уничтожалось удушливыми газами и воздушными бомбами.

Таким образом, мы с еще большим правом можем сказать, что „восстановление казачества"—это, собственно, означает создание на ново института казачества, но с тем, что кадры казачества значительно при этом увеличены и в большей части обновлены, а остаткам т. н. подлинных казаков предоставлена роль лишь передатчиков „старых казацких традиций".

Уничтожив дореволюционное казачество, Москва приступает к созданию нового—с о в е т с к о г о к а з а ч е с т в а!

Но назначение этого казачества остается неизменным. И оно, повторяем еще раз, заключается не в усилении мобилизационным возможностей красной кавалерии или же поднятии ее боеспособности, но в создании, по старому рецепту, милитаризированных колоний на рубежах империи и в противопоставлении этих колоний освободительным стремлениям „окраинных" народов.

Мало того, острие казачьей политики Москвы направлено по старому против кавкасской „окраины"—и, видимо, опять-таки согласно старого рецепта, главным образом, против Северного Кавказа.

Об этом говорит не только район, охваченный „оказачиванием" („казачество Дона, Кубани и Терека"), „восстановление" только 3-х казачьих войск из 11-ти,*) но и то, в каких формах казачья милитарзация отражается среди соседнего горского населения.

Внешне коренное население Северного Кавказа, как будто, также втягивается в процесс массовой фабрикации „ворошиловских всадников". Но это только—„как будто". В действительности же в задачу советской власти, как видно по всему, не входит массовая милитаризация горского населения и большевики не намерены вносить в горскую среду глу-

*) Правда, некоторые намеки имеются и о возможном восстановлении Оренбургского войска („Письмо к Сталину 2000 оренбургских казаков", помещенное во многих советских газетах); возможно—будут восстановлены все т. н. европейские войска, включая и Семиреченское, расположенные на территории Идел-Урала и Туркестана, но едва ли Москва решится на восстановление т. н. сибирских войск (во всяком случае не с таким размахом, как „на Дону, Кубани и Тереке"), в сильной степени монголизированных (особенно Забайкальское войско) и где отношения между коренным („туземным") и пришлым (казачье-русским) населением не были так обострены, ибо русская колонизация причинила здесь несравнимо меньшие опустошения. Хотя, в сущности, если исходить из официальной советкой версии о причинах „восстановления казачества" (внешний враг), то следовало бы ожидать восстановления казачества в первую очередь именно в Сибири, на Дальнем Востоке, а не на южных границах—вблизи границ „дружественных" Турции и Ирана.

боких структурных изменений такого порядка, которые делали бы из нее военно-организованную массу на подобие казачьей. Хотя, как известно, и горцы могут быть не менее „прекрасными кавалеристами“, чем старые и новые—советские—казаки.

Из всей массы фактов, илюстрирующих усилия большевиков по милитаризации „населения Азово-Черноморья и Северного Кавказа“, мы могли выбрать только один,*) в котором имеются некоторые конкретные данные относительно работы в т. н. горских авт. областях. А именно, в „Молоте“ (20-III-1936) помещено следующее сообщение:

„В Чечено-Ингушетии организуется отряд джигитов из тысячи человек. В Сунженском и Грозненском районах уже созданы две казачьи сотни этого отряда. В Шалинском районе организована сотня девушек-всадниц, которыми руководит первая девушка—секретарь райкома комсомола—Сепиат Абдуллаева“. (Разбивка наша).

Сообщение это весьма характерно. Характерно в нем то, что в области, насчитывающей около 800000 душ населения, организуется „отряд джигитов“ только в 1000 человек, но и из этих 1000 человек в действительности организованы только две казачьи сотни (из станиц терских казаков, оставшихся в Чечне) и „сотня девушек-всадниц“. Последнее обстоятельство наиболее показательно. Оказывается, в горской среде большевики не только не восстанавливают „старые традиции“, но намерены использовать сегоднешнюю шумиху вокруг казачьего вопроса для еще большего натиска на горский быт, в частности—для еще большего углубления работы по „раскрепощению горянки“, которая является одной из основ коммунистической работы на Северном Кавказе. И мы допускаем, что в недалеком будущем в различных „горских автономиях“ могут возникнуть новые „сотни девушек-всадниц“, но мы не думаем, чтобы советское правительство пошло когда-либо на массовое распространение среди коренного населения Северного Кавказа военныя знаний и подготовку в нем обученных мобилизационных кадров.

Об этом говорит нам и отсутствие каких бы то ни было намеков на изменение порядка выполнения воинской повинности коренным населением Северного Кавказа. Как известно, несмотря на распространение в 1928 году на горцев закона о всеобщей воинской повинности, контингент действительно попадающих на военную службу горцев-призывников составляет 7 — 8% подлежащих призыву. Служба отбывается в 2-х конных полках и 3-х „национальных ротах“—по одной в каждом из полков 28 пех. т. н. Горской дивизии, расположенной в районе б. Терской области. В артиллерию и технические части северо-кавказские „националы“ не призываются.

Все эти факты еще более подчеркивают и разоблачают истинный характер и назначение нового советского казачества.

---

*) Не считая „конного женского похода Биле Мисостишховой“ из Нальчика в Псыхуабе в январе и участия 13 „всадников Дагестана, Кабарды и Карачая“ (б. участников конного пробега вокруг Кавказского хребта) и „группы адыгейских джигитов“ в „рейде терских и кубанских казаков в Ростов“ в марте т. года.

Жанбек Хавжоко

АБРЕК ЗЕЛИМХАН

„Ведь победитель не тот, кто сражает врага, а тот, кто в жертву борьбе на верную гибель бросает душу и тело свое“. (Асланбек Шерип).

Слово „абрек“ чечено-ингушского происхождения. Возникновение его связано с родовым бытом. Так называлось лицо, вошедшее в колизию с родовым обществом и в силу этого вынужденное, временно или навсегда, покинуть это общество и вести скитальческую жизнь. Источником колизии чаще всего являлся обычай кровавой мести. Абреком обыкновенно становился убийца—виновная сторона—долженствующий за пролитую кровь ответить своей кровью.

Скитальческая жизнь и неуверенность в завтрашнем дне ожесточали сердце абрека. Встреча с ним была не всегда безопасной даже для лиц, не принадлежащих к числу его прямых противников — семье или роду убитого, обязанных „взять крозь“, отомстить убийце. Поэтому абреки считались отчаянными головами, готовыми на наиболее рискованные предприятия.

Видимо, это обстоятельство послужило причиной того, что во время героической борьбы с русскими слово „абрек“ приобрело иное значение. Этим словом русские называли храбрецов, делающих безумносмелые набеги в оккупированные Россией пределы. Очень часто в их среде находились ближайшие родственники погибших в боях с русскими, питающие особенно сильную ненависть к незванным пришельцам. Понятие „абрек“ в те времена стало синонимом бесстрашия, мужественной предприимчивости и упорства в борьбе с захватчиками. Абреки, даже под конец кавказской войны, составляя партии в 10—15 человек, доходили до Дона и Астрахани. В 1861 г. группа черкесских абреков захватила около Ставрополя русского генерала Кухаренко и увела его в свои пределы. В случае неудачи абреки никогда не сдавались врагу, обороняясь до последней возможности и предпочитая смерть в бою—плену.

С установлением русского владычества на всем Кавказе (1864 г.), значение слова „абрек“ подверглось новой модификации. Правда, и на этот раз, как и во времена возникновения слова, абреком назывался бездомный и гонимый скиталец, вошедший в колизию с правом. Но теперь нарушенное право было чаще всего не правом родного родового общества, но правопорядком, установленным ненавистным завоевателем без учета местных особенностей. Абрек т. н. царских времен был продуктом политического,

социального и экономического гнета, утвержденного на Северном Кавказе режимом оккупации. Факт этот все абреческое движение последних времен направлял в русло национальной борьбы, которая велась и ведется Северным Кавказом против русского правительства.

Каков же был „правопорядок", порождающий у нас абреческое движение? В книге проф. Н. Ковалевского,*) отнюдь не питающего симпатий к северокавказцам, мы находим следующую характеристику этого „правопорядка": „Восстание это (1877—78 г. г. — Ж. Х.) было вызвано грубым и наглым отношением русской администрации к горцам. Чеченец и лезгин, сознавая необходимость и личную пользу, будут переносить от власти всякое давление, всякий гнет, всякий деспотизм, если он видит в этом смысл, но если это — грубый произвол, выражение личного каприза и не приносит чеченцу никакого блага, в этом случае чеченец озлобляется бесконечно, приходит в отчаяние и действует как истинный хищник (?!—Ж. Х.). К сожалению, русские действовали именно в этом направлении, не дав чеченцам ничего доброго, довели их до последней степени озлобления против России и русских".

Здесь следует лишь пояснить, что „грубый произвол" царской администрации был следствием не только „личного каприза" отдельных ее представителей, но и планомерной государственной акцией, руководимой центральными властями во имя „высших задач" российской государственности.

Не менее характерны слова П. Маслова, депутата 1-ой государств. думы от т. н. иногородних (русских-неказаков) б. Терской обл., свидетельствующие о том, что положение автохтонов Северного Кавказа при русском владычестве не только не улучшалось, но все более и более ухудшалось. На заседании думы 5 июня 1906 г. Маслов заявил: „Я позволю себе кратко остановиться на Кавказе и в частности на Терской области. Она населена казаками, крестьянами и туземцами. Земли все разделены между этими народностями. Одну пятую часть всего населения составляют казаки, но соотношение земли между теми и другими обратно пропорционально. Туземцы, состоящие из чеченцев, осетин и др. народностей, находятся в ужасном положении. Земельный вопрос стоит у нас там чрезвычайно остро. Вы не можете себе представить, как ничтожны земельные владения, например, у чеченцев: $^1/_3$, $^1/_4$, $^1/_{10}$ десятины. Если вы спросите, сколько у него земли, то он вам скажет, что земли столько, сколько помещается под его буркой. Земля стоит там дорого. Так например, кусок земли под одной коровой стоит столько, сколько стоит сама корова. Такое положение заставляет невольно задуматься, каким образом они существуют"**).

Вот на этой именно почве административного произвола и экономического гнета развивалось северокавкасское абречество. Полное игнорирование местных обычаев и система круговой поруки, составляющая основу административного управления краем, еще более способствовали распространению абречества.

*) „Восстание Чечни и Дагестана".

**) А. Авторханов — „Революция и контрреволюция в Чечне", 1933.

* * *

Царизм дал Северному Кавказу многие сотни и даже тысячи абреков. Но наиболее типичным представителем и наиболее славным из них был абрек Зелимхан.

Зелимхан был уроженцем аула Хорочой в нагорной Чечне. История его абречества, охватывающая почти 13-летний период, является сплошным обвинительным актом против русской администрации и установленных ею порядков. Продажность этой администрации, незнание и полное игнорирование ею местных обычаев, жестокость, введенная в систему, — сделали из мирного труженика Зелимхана из Хорочая славного и грозного абрека, имя которого было известно во всех концах империи, кто на Северном Кавказе стал синонимом борьбы с продажной и чуждой властью и был окружен ореолом защитника всех обездоленных и обиженных. О том, как Зелимхан стал абреком, он повествует сам в получившем широкую огласку в старой России письме на имя председателя III-ей государственной думы в 1909 году. Приводим это письмо целиком, заимствуя его из книги покойного Ахмета Цалыкаты — „Кавказ и Поволжье", изданной в Москве в 1913 году. Вот как излагает Зелимхан причины, заставившие его стать абреком и вести борьбу с царской администрацией:

Его Высокопревосходительству Господину Председателю Государственной Думы

Чеченского абрека Зелимхана Гушмазакаева

Прошение:

Так как в настоящее время в Государственной Думе идет запрос о грабежах и разбоях на Кавказе, то депутатам небезинтересно будет познакомиться с причинами, заставившими меня, одного из самых известных абреков Терской и Дагестанской областей, сделаться абреком.

Все рассказывать не стоит—это займет слишком много Вашего драгоценного времени. Я ограничусь, как сказал, указанием обстоятельств, при которых я ушел в абреки и кроме того расскажу о двух своих наиболее крупных преступлениях (убийствах): первое — убийство подполковника Добровольского, старшего помощника начальника Грозненского округа в 1906 г., и второе — убийство полковника Галаева, начальника Веденского округа, летом минувшего 1908 года.

Чтобы г.г. депутаты имели хоть какое нибудь представление о драме моей жизни, я должен упомянуть в коротких словах о месте моего рождения и своей семье. Родом я из чеченского селения Хорочой, Веденского округа, Терской области. В то время, о котором идет рассказ (1901 г.), семья наша состояла из старика-отца, меня и двух моих братьев, из которых один был уже взрослый юноша, а другой совсем еще ребенок; кроме того был у нас еще и столетний дед. Жили мы богато.

Все, что бывает у зажиточного горца, мы имели: крупный и мелкий рогатый скот, несколько лошадей,

мельницу, правда татарскую, но все же она давала приличный доход, и имели мы еще богатейшую пасеку, в которой насчитывалось несколько сот ульев. Добра своего было достаточно, чужого мы не искали. Но случилось несчастье. Произошла у нас ссора с односельчанами из за невесты моего брата. В драке был убит мой родственник.

Теперь надо отомстить кровникам за смерть родственника, выполнить святую для каждого чеченца обязанность. Зная хорошо, что по русским законам кровомщение не допускается и меня за убийство человека, хотя бы кровника, будут судить со всей строгостью законов, я совершил акт кровомщения в тайне, ночью, накануне Рамазана месяца, и без участников. Все в ауле вздохнули свободно,—канлы должно было кончиться и между сторонами состояться полное примирение. Но стали производить дознание. Начальник участка капитан Х., ныне благополучно управляющий одним из округов Терской области, показал, что он застал нашего врага живым и последний будто бы указал, как на виновников своей смерти, на меня, на моего отца и двух двоюродных братьев. Таким образом, было найдено юридическое основание для того, чтобы нас обвинить. Суд нас четырех присудил в арестантское отделение. На запрос палаты: каким образом покойный мог узнать ночью, кто в него стрелял, тот же начальник участка Х. ответил, что была светлая лунная ночь и лица были хорошо замечены умирающим. Это была со стороны Х. явная ложь и пристрастное отношение к делу. Во первых, как всему народу, ему было известно, что мой отец и два двоюродных брата ни в чем не виноваты, а во вторых, накануне Рамазана месяца луна не светит. Люди говорят, что ему дали взятку наши враги и я этому верю.

Один из моих братьев—в тюрьме, а другой умер впоследствии в ссылке. Я бежал из грозненской тюрьмы с единственной целью отомстить виновнику всех несчастий нашей семьи, капитану Х., но он нашелся. Узнав о том, что я на свободе, он прислал ко мне человека, который сказал, что капитан Х. сознает свою ошибку, очень раскаивался и просит у меня прощения и кроме того обещает меня никогда не преследовать. Я поверил его раскаянию и простил ему. Из последующей деятельности этого человека выяснилось, что он очень далек от раскаяния, а просто меня перехитрил и перешел на службу в другое место. Таким образом, из мирного жителя селения Хорочой я сделался, превратился в абрека Зелимхана из Хорочоя, но не такого еще знаменитого, как сейчас. Теперь я Вам, Ваше Превосходительство, разскажу, за что я убил подполковника Добровольского. В то время Добровольский был старшим помощником начальника Веденского округа и жил постоянно в Ведено.

Естественно, на нем лежала обязанность меня преследовать; но как это он делал!

Прежде всего ставил в Хорочое экзекуции, затем всячески давил моих родственников и лиц, имевших по его мнению, или вернее по мнению доносивших, какое нибудь ко мне отношение. Мой старый отец, уже вернувшийся домой, отбыв свой срок наказания, и в особенности брат, самый тихий и добродушный из хорочоевцев, подвергались со стороны Добровольского всевозможным гонениям, аресту на продолжительное время под тем или иным предлогом, штрафам и пр. мелочам, пересказать которых я сейчас не сумею, но которые тем не менее жизнь делают тягостною, а иногда и не выносимою. Я ходил на свободе и никто меня не беспокоил, ни казачьи резервы, ни милиционеры. Наконец, случилось крупное столкновение и вот по какому случаю: Добровольский ехал из Ведено в Грозный, а мой брат, Султан-Мурад, ему на встречу. Подполковник остановил тройку и приказал переводчику моего брата обыскать и отобрать у него оружие. На большой дороге не было до тех пор принято останавливать и обыскивать проезжающих. Очевидно, для Султан-Мурада сделали исключение. Брат сказал, что оружие его азиатского образца и выдать его не может, так как повсюду его преследуют кровники. Добровольский привстал на тройке с винтовкой в руке. Султан Мурад ударил по лошади и ускакал, начальник пустил ему в догонку несколько пуль: не знаю с какой целью—напугать, или попасть в него. Приехав в Грозный, Добровольский пожаловался начальнику округа, что брат Зелимхана оказал ему вооруженное сопротивление и т. д. Разумеется, при этом умолчал о том, что сам он стрелял в моего брата. Султан-Мурад, боявшись жить дома, скрылся и по моему совету вступил с Добровольским в переговоры, через некоторых лиц, обещаясь выдать оружие и кроме того уплатить штраф в том размере, который укажет Добровольский, однако с тем условием, чтобы Султан-Мурад оставался жить дома. Добровольский и слышать не хотел ни о чем, грозил сгноить брата в тюрьме, повесить, а по моему адресу разразился скверными словами. Тогда брат мой ушел из дома и стал бродить один по горам, боясь присоединением ко мне навсегда опорочить себя и тем лишиться возможности вернуться к мирной жизни. А скитаясь один, он надеялся на то, что—либо начальник смилостивится, либо на его место назначат другого более доброго. Но надеждам брата не суждено было осуществиться,—его поймали в Дагестанской области (при этом он не оказал ни малейшего сопротивления) и посадили его в Петровскую тюрьму. Там он пробыл около года и бежал прямо ко мне. С этого момента он сделался настоящим абреком.

Отец мой еще раньше присоединился ко мне, предпочитая жизнь абрека тюремному заключению, которое должно было длиться до тех пор, пока меня не убьют или не поймают. За то, что он заставил сделаться абреком моего брата и отца, обругал меня скверными словами—Добровольский поплатился своею жизнью. Далее я Вам расскажу, Ваше Высокопревосходительство, за что я убил полковника Галаева. Вскоре после смерти Добровольского, Веденский округ был об'явлен самостоятельным в административном отношении и нам прислали начальника округа, именно Галаева. Этот оказался человек деятельный и энергичный: он сразу выслал из Веденского округа 500 человек, якобы за воровство, которые вернулись все в качестве уже абреков и наводнили весь Веденский округ. Но потом полковнику пришлось об'явить им всем амнистию и они вернулись в свои дома и стали заниматься тем, что делали раньше до появлення Галаева, быть может, кто

и воровством, а кто и мирным трудом. Впрочем, это к делу не относится, а я это сказал, как факт, характеризующий этого администратора. Меры его, направленные против меня, а также против отца и брата, выражались в том, что он приблизил к себе нашего противника, Эльсона из Хорочоя, и стал по его указанию сажать в тюрьмы и высылать наших родственников и друзей, а иногда лиц, совершенно не имевших к нам никакого отношения. Я ему предлагал письменно оставить всех этих ни в чем неповинных лиц в покое, а преследовать меня всеми способами, какие он может изобрести: полицией, подкупом, отравлением, чем только он хочет. Но Галаев находил самым правильным избранный им путь поимки меня с товарищами. Очевидно, борьба с мирными людьми гораздо легче, чем с абреками. Некоторые сосланные им лица находятся в северных губерниях России. Быть может, они и умерли. Между ними, например, два моих двоюродных брата по женской линии и два зятя тоже из другой фамилии, чем я. Затем, посаженные Галаевым в тюрьму до сих пор еще сидят там.

Хозяйства как сосланных, так и заключенных совершенно разорились, жены и дети их живут подаянием добрых людей, да тем, что я иногда уделю им из своего добра, после удачного набега.

Окончательно убедившись, что Галаев твердо держится своей системы, что он будет ссылать и арестовывать все новые и новые лица, разоренные семейства которых будут молить Бога о моей гибели, я решил с ним покончить. Решение свое я выполнил летом истекшего 1908 года. Все, что изложено в этом прошении, безусловно правда, ибо я стою в независимости от кого бы и от чего бы то ни было и лгать мне нет никакой нужды. Голова моя, как говорят, оценена в 8.000 рублей; конечно, деньги эти собраны с населения. Отец и брат мой убиты чеченцами во время пленения мною овцевода Месяцева 31 августа 1908 года, и теперь я одиноко скитаюсь по горам и лесам, ожидая с часа на час возмездия за свои и чужие грехи. Я знаю, дело мое кончено, вернуться к мирной жизни мне невозможно, пощады и милости тоже я не жду ни от кого. Но для меня было бы большим нравственным удовлетворением, если бы народные представители знали, что я не родился абреком, не родились ими также мой отец и брат и другие товарищи.

Большинство из них избирают такую долю, вследствие несправедливого отношения властей или под влиянием какой нибудь иной обиды или несчастного стечения обстоятельств. Раз кто стал на этот путь, то он подвигается по нему все глубже в дебри, откуда нет возврата, ибо спасаясь от преследователей, приходится убивать, а чтобы кормиться и одеваться, приходится грабить. А в особенности тому, кто должен поддерживать семейства, отцы которых в ссылке или в заключении.

Все изложенное покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство довести до сведения Думы. Если же Вы не найдете возможным, чтобы мое прошение было предметом внимания народных представителей, то покорнейше прошу Вас отдать его в какой нибудь орган печати, быть может найдутся такие, которые пожелают его напечатать. К сему прилагаю свою именную печать и казенную печать Андреевского сельского правления Хасаф-Юртовского округа. Администрация Терской и Дагестанской областей знает, что всякое письмо, снабженное этими знаками, идет от меня.

Зелимхан Гушмазакаев.

15 января 1909 г., Терская обл.

(Окончание следует)

Современная литература Азербайджана

доклад М. Э. бея Расул-Задэ, прочитанный 17 января т. г. в Париже

IV

Молодой вдохновенной и нежной лире, полной порыва и эмоции, наносится тягчайший удар. Не успевшей еще надышаться благотворным воздухом свободы и воспользоваться всеми привиллегиями национального раскрепощения, азербайджанской литературе приходится вновь испытать трагическую участь и печальные невзгоды истории.

Советизация Азербайджана создает новые преграды на пути свободного развития литературы. Чуждая национальной душе коммунистическая власть, хотя и терпит национальную литературу по форме, но, как известно, стремится придать ей интернационально-пролетарское содержание.

Но все усилия оккупационной советской власти разложить национальный дух Азербайджана и создать в нем т. н. „пролеткульт" не имеют успеха. Она не находит для этой цели необходимого элемента. Фактическими господами положения на литературном фронте остаются те же, прежние, виртуозы пера. Внешне приноравливаясь к создавшемуся положению, они, вызывая то гнев, то дипломатическую мягкость новой власти, продолжают свою не легкую работу.

Старый редактор ж. „Молла Насретдин" Джалиль Мехмед-Кулу-Задэ пишет пьесу под названием „Кеманджа"—„Виолончель". Во время печальных армяно-татарских столкновений, армянин—виолончелист попадает в руки тюрка, который собирается отомстить ему. Но артист своей игрой — общей для обоих национальностей мелодией — смягчает сердце врага и избегает смерти. Пьесу, почему то, находят крамольной и запрещают.*) Другое сочинение того же автора также подвергается запрету. Оно называлось „Книга Матери". Три сына учились в разных странах. Воспитанник персидской школы вернулся богословом с архаическими, схоластическими понятиями; другой, получивший турецкое воспитание, считает своим великим долгом ломать азербайджанское наречие на стамбульский лад; третий сын, с европейской культурой, тянет совершенно в иную сторону. В семье происходит раздор и неразбериха. Старый отец, возмущенный этой неразберихой, советует сыновьям не удаляться от „книги матери". Очевидно, коммунистам, стремящимся оторвать общество от его национальных корней, отцовский призыв к „книге матери" не понравился.

Такому же остракизму подверглась и другая нашумевшая пьеса Сулейман бека Ахунд-Задэ „Лачын Ювасы" (Орлиное гнездо). Действие происходит в Карабахе. Молодой коммунист, азербайджанец, организовав крестьян, атакует бекский замок в одном из неприступных ущелий Карабаха. Дочь бека, невеста революционера, отвергается от него. Но он держит довольно длинный монолог, чтобы доказать ей необходимость революции, ибо только этим путем возможно

*) М. Б. Мехмед-Задэ, ж. „Yeni Kafkasya".

освобождение мусульманских стран из под власти мировых империалистов.

Очевидно, не социальный, а чисто политический мотив революционности пьесы не понравился красной цензуре. По этой цензуре, Азербайджан советизировался собственными силами и по мотивам социально-экономического характера, тогда как „Орлиное гнездо“ карабахского бека атакуется азербайджанским коммунистом только потому, чтобы легче было атаковать твердыню мирового империализма на Востоке. Революция должна быть самоцелью, а тут она выставлена как средство.

Гусейн Джавид пишет ряд блестящих пьес и поэм, из которых пьесы „Тамерлан“, в прозе, и „Пророк“, в стихах, вызывают не мало шума среди советских заправил и производят огромное впечатление на читающую публику. Дозволенный сперва советской цензурой к постановке, „Тамерлан" производит фурор в публике. Государственный театр в Баку повторно ставит пьесу. Публика в восторге от пьесы описывающей исторического героя общетюркского мира. Опомнившись, большевики запрещают дальнейшее представление пьесы. Критика поднимает целый вой против поэта, осмелившегося, „проживая на советских хлебах", идеализировать пантуранистические персонажи общетюркской истории. Долгое время автору „Тамерлана" пришлось терпеть строгие кары разгневанной власти. Его лишили места, пайка и третировали в печати.

Сравнительно легче прошло второе произведение поэта, хотя в поэме „Пророк" ортодоксальный марксизм большевистского толка мог бы найти не мало „ереси".

Приведем некоторые места из этой замечательной поэмы, чтобы показать, в какой форме нашим художникам удается высказывать свои мысли в советской обстановке.

„Пророк" (Пейгамбер) — является жизнеописанием Магомета. Написанная в виде драмы в стихах, пьеса разделена на четыре акта: Божественная миссия, Призыв к вере, Бегство из Мекки и Победа Пророка.

В первом акте Пророк уединяется на гору Харра, где получает Божье откровение. Находясь в экстазе, он произносит следующий монолог:

„Мы находимся в эпохе, когда весь мир
Горит в пламени тирании и зверства.
Люди, отвернувшиеся от Бога,
Безверие принимают за правду и невежество за сознание.
Никто не внемлет ни сердцу, ни совести;
Бьющий прав, а битый виновен.
Вождями толпы — свора преступников,
Двухличных, бесчестных и аморальных.
Над светом издевается тьма,
Над благодетелью глумится разврат,
Справедливость, право и свобода
Истоптаны грубыми ногами".

В этой мрачной картине советская критика склонна видеть буржуазно-капиталистический мир. Но читающая масса с бо́льшим основанием видит в нем ту реальную обстановку „коммунистического рая", в которой она находится. Ведь, это ее свобода и честь истоптаны грубыми ногами хамов, находящих „правду в безверии" и „знание в невежестве"; ведь, это ее страна об'ята „пламенем тирании и зверства".

Отчаявшемуся Пророку является ангел Гавриил. Он передает ему книгу в золотом переплете и, внушая смелость, говорит:

„Будь решительным и стойким,
Иди просвещать темноту,
Не теряй надежду, проповедуй правду".

Внемля внушениям Гавриила, Пророк приступает к проповеди:

„Наименьшая крупинка и наибольший мир
Божьей любовью приходят в движение;
Это тонкий и загадочный символ,
Во имя которого бьются все великие сердца.
Приближается к Богу тот, который возвышается;
Его не осознают пресмыкающиеся.
Это великое светящее солнце —
Разве слепцы в состоянии увидеть свет?
Где засияет правда, совесть, красота и честь,
Там — любовь и вера, там же — великий Творец".

Далее, цитируя Золотую Книгу, т. е. Коран, Пророк продолжает:

„Всевышняя сила, невидимый Создатель,
Его воля—одна справедливость и благодать,
Величие природы — свидетельство его бытия.
Он ненавидит зло и разврат!
Справедливость — Его стихия,
Перед Ним равны — и бедный, и богач".

В стране лишенцев, в стране, где еще ничем не проявивший себя юноша наказывается только потому, что его родители когда то были зажиточными, говорить о „справедливости Бога, одинаково относящегося как к бедным так и к богатым", требует не малого гражданского мужества и авторского искусства. Но настоящее мужество поэта мы увидим дальше.

Пророк за свои призывы к вере, к восприятию писаний Золотой Книги, подвергается оскорблению. Его бьют, поднимают на смех. Весь избитый и осмеянный Пророк приходит в отчаяние. В один из таких моментов на сцене появляется призрак, символ Истории, и обращается к Пророку:

„Оставь несбыточную мечту —
Хочешь мира, возьмись за оружие,
Одной только Книгой
Ты никогда не добьешся победы".

И тут призрак символически протягивает Пророку меч:

„Если хочешь перестройки мира,
Поддержи свое учение мечем;
Фактор зла подобен больной части тела:
Для здоровья организма следует оперировать гангрену".

Пророк принимает меч и говорит:

„Какой красивый и верный девиз,
Любовь—праведникам, ненависть—отступникам!"

Воодушевившись теперь не только орудием убеждения, но и силой принуждения, Пророк, держа в одной руке Золотую Книгу, а в другой стальной меч, произносит следующий монолог:

„Вам достаточны этот меч и эта книга,
В другом вы не нуждаетесь:
Книга просветит народное сознание,
А меч снесет следы зла на земле.
Право, Родина, Счастье и Рай —
Все хранятся под сенью меча"!

Идея революции, осуществляемая мечом рабочего класса, конечно, мила большевистской душе, но едва ли идея „Родины, осененной мечом патриотов" соответствует видам ортодоксального коммунизма. Тем более, что в разоренной коммунистическим оккупационным режимом родине — Азербайджане — боевые лозунги азербайджанского поэта могут иметь только патриотическое значение.

Не достаточно любить Родину только на словах, ибо, как и всякие другие права, Родина также приобретается в борьбе! — таков логический вывод читателя азербайджанца из прекрасно и талантливо написанной драмы „Пророк".

Патриотизмом, впрочем, насыщены и детали этого чудесного произведения. Вот, например, стихи, вставленные в уста уличных мальчишек, высмеивающих Пророка:

„Говорит — есть сады в небесах,
Где цветы блестят как звезды,
Человек летает как ангел...
Не хочу слушать — это сказки!
Я жажду только тебя...
О Родина, любимая мать!

*

Видел вчера раненную птицу,
Выброшенную из гнезда своего;
Ей хищник грудь расклевал.
Страдальческим взором она говорила:
Кровожадный орел напал на меня...
О Родина, любимая мать!"

Здесь большевики, должно быть, видят комсомольское безбожничество, но патриотический Азербайджан, безусловно, узнает образ растерзанного Прометея — символа страны священного огня — ныне терзаемой „серпом и молотом", заменяющим былого „двухглавого орла".

Кроме двух отмеченных нами произведений, Гусейн Джавид бей написал еще и другие не менее ценные вещи, среди которых особо выделяется „Иблис" (Дьявол).

В „Дьяволе" Джавид выступает романтиком свободы и общечеловеческих идей. Устами защищающегося от людских проклятий Дьявола, он беспощадно критикует противоречия человеческого общества, обличая людей в пошлости и в волчьей натуре по отношению к иным людям.

Недавно Джививу удалось издать еще одну пьесу — трагедию в стихах. Она называется именем известного героя „Шах-Намэ" — „Сиявуш". Легенда о несчастной жизни и не удачах трагического героя великого персидского поэта Фирдевси, разумеется, азербайджанским романтиком подвергнута известной обработке как с точки зрения современных потребностей, так и сценической техники. Кроме того пьеса еще подвергнута и большевистской цензуре. Характеристика Сиявуша, как либерального аристократа, сильно заштрихована чертами сочувствия к обездоленным и угнетенным массам и душевного отвращения к насилию и произволу вообще.

И эта пьеса, как все творения Джавида, блестит искусством поэта, владеющего тайною красоты тюркской поэзии. Вот, например, глубоко лирическая песня танцующей красавицы-балерины:

„Горячий поцелуй беспечной весны
Коснулся моих локонов, когда исчезла тьма.
Задушевные песни пьяных соловьев
Убаюкивали душу, когда разцвели розы.
Жасмины, ненуфер, сунбуль и фиалка
Меня хмелем поили из алмазных росинок.
Окуталась я, как бы, тюлем алого цвета мака,
Когда Солнце сосало мое нагое тело!"

Но в этой пьесе, наравне с лирическими мотивами, мы находим и множество глубоко-философских мыслей—афоризмов, украшающих почти все явления красиво обставленных сцен. Мало того, тут читатель найдет и восторженные призывы к борьбе за свободу. Вот, например, молодой, бесстрашный вождь недовольных крестьян повстанцев—Алтай; обращаясь к своим товарищам, он говорит:

„Будьте горды, смелы перед лицом тирании,
Проявите отвагу в борьбе за свободу!
Башня счастья не улыбнется рабам—трусам,
Она отдастся только бесстрашным—борцам!"

Призывы, под которыми обеими руками подпишутся и современные вожди крестьянского движения в борьбе с советской властью — представительницею как социальной, так и национальной неволи.

Гусейну Джавиду, по характеру своего творчества всегда стремящемуся быть выше повседневной политики и не пристающему ни к какой определенной политической догме, философски относящемуся ко всему окружающему, больше, чем кому либо из своих коллег, удается писать и печатать свои произведения. Тогда как другому поэту национальной стихии, Джаваду Ахунд-Задэ, абсолютно не везет при большевиках. Его, как бывшего „мусаватиста" — последователя антисоветской национально-демократической партии Азербайджана, подвергают аресту, предают публичной анафеме, запрещают печататься, лишают места и гонят отовсюду. Тем не менее написанные им вещи не перестают ходить из рук в руки и многие из начинающих писать комсомольцев, по утверждению самой советской печати, подпадают под его тайное влияние. Его совершенно аполитичные стихи, случайно проскользнувшие в печать, вызывают не мало кривотолков. Вот, например, „Синее озеро". В нем лирически описывается природная красота „Гег гела", лечебного озера, находящегося не далеко от Гянджи. В конце этого стихотворения поэт обращается к озеру с вопросом „Не имеет ли оно желания послать что нибудь сказать далеким странам?". Советские критики с чекистской душой видят в этом вопросе контр-революционную аллегорию. В такой форме Джавад — по их определению — намекает на „мусаватскую эмиграцию, выброшенную революцией в далекие страны".

Но из всех писателей предыдущего периода, наибольший успех при советской власти выпадает на долю Джафара Джабарлы. Радикальный склад его ума, социальное происхождение, излюбленные темы, в большинстве взятые из жизни обездоленных и страждущих, служат причиной терпимого отношения к нему большевиков. Они считают его своим попутчиком. Его пьесы, правда не без переработки и строжайшей цензуры, разрешаются к печатанию и к постановке. Его талантливому перу принадлежит ряд произведений. Несмотря на то, что советская критика считала его более из всех существующих писателей воспринявшим коллективистическое мировозрение коммунизма, однако, по меткому замечанию М. В. Мехмед-Задэ, названия его пьес носят чисто индивидуалистический характер. Так например, „Айдин", „Октай", „Од гелини", „Севиль" и другие — все это собственные имена главных героев данного произведения.

Наш товарищ и сотрудник, М. Б. Мехмед-Задэ, утверждает, что индивидуализм, а вместе с ним либерализм,—вопреки утверждениям советской критики, принужденной присвоить Джабарлы, за неимением подлинно коммунистических талантов — просачивается во всех произведениях писателя. И действительно, Айдин среди аплодисментов, содрогающих зрительный зал театра, требует свободы мысли, труда, разума и всего того, чем человек является подлинной личностью. Он требует, чтобы никакой народ не властвовал над другим. „Независимость — это высшее благо. Долой господство оттоманов в Гиджасе, Англичан в Индии и России в Азербайджане!...".

„Октай" добивается полной национализации во всех областях жизни, в особенности в области культуры и искусства. Идет сцена из закулисной жизни артистов — сцена на сцене. Во время игры артистка не тюркского происхождения, исполняющая роль тюрчанки, капризничает и не хочет выйти на сцену. Тогда герой пьесы, Октай, с гневом подходит к рампе и говорит публике резким тоном: — „Погибай, если ты не в состоянии дать и артистку!".

Возглас оказывает действие, молодая тюрчанка выскакивает из публики и блестяще заменяет закапризничавшуюся иностранку.

Получается грандиозное впечатление. Восторгу публики нет описания.

„Од гелини" — „Невеста Огня" — Джафаром написана по выходе из ЧЕКА. В ней описывается борьба Азербайджана против мусульманских завоевателей — арабов. Новые завоеватели забирают все богатство страны. Нефть об'является государственной собственностью и вывозится в Арабистан. Азербайджанцев заставляют насильно принимать Ислам. Молодой Ельхан, со знаменем из головной шелковой шали своей возлюбленной, поднимает восстание. После отчаянной борьбы его берут в плен и осуждают на смерть. У позорного столба его, связанного по рукам, заставляют повторять догматический девиз Ислама:

— Нет Бога кроме Бога!..

Он же отвечает:

— Вопреки всем и всему я ваш девиз не повторяю!...

Символика здесь ясна. Слушателю стоит только вместо слов „арабы" и „Ислам" мысленно подставить „русские" и „коммунизм", чтобы впечатление стало актуальным.

Джафар был не только писателем, не и режиссером. Известный профессор музыки, Глерин, работал над музыкальной разработкой его пьесы в стихах „Шах Сенем". Его некоторые сочинения переведены на казкасские и на русский языки.

Еще молодой, полный сил и энергии, он недавно скончался. Он был похоронен за счет государства. Комиссары Азербайджана несли у его гроба почетный караул, как бы оправдывая этим присвоение себе далеко не коммунистического таланта, доказавшего это еще и своим нашумевшим выступлением на последнем московском с'езде всесоюзных писателей, когда он резко выступил против так называемого социального заказа, „не достойного призвания подлинного художника и творца".

Наряду с крупными литераторами с дооккупационными именами в Азербайджане находятся и новые писатели, пытающиеся проявить известную творческую самостоятельность. С таковыми мы встречаемся среди авторов бытовых рассказов, повестей, новелл и романов, которые большею частью подвергаются строжайшему осуждению присяжных советских критиков. Как на примере остановимся на романе „Вефасыз" (Неверный) некоего Сабира Рахмана. Фабула романа вкратце сводится к следующему:

В соседство к бедной семье муаззина—служителя мечети—переселяется советский чиновник. У чиновника восмилетний мальчик—пионер. От шаловливого и необузданного пионера соседям нет прохода. В ограде муаззина он ничего не щадит: все изрыто и перебито. Семья муаззина в полном отчаянии от этого соседства. И без того не веселая жизнь семьи окончательно отравляется. Жена муаззина лежит больная, единственный сын—не имеет работы; сам уже старый—он доживает последние дни своей тяжелой жизни. Распродав все более или менее ценное, семья муаззина форменно голо-

дает. Наконец, закрывается мечеть. Жизнь становится совершенно невыносимой.

Как то раз окно муаззина разбивается камнем, брошенным со двора. Камень ударяет в сердце больной жены муаззина, которая, впав в обморок, больше в сознании не приходит. Это—шалун пионер убил несчастную хозяйку разоренного дома. Опечаленный ужасным случаем и возмущенный до глубины причиненным ему злом, старик, обращаясь к сыну—Салиху, говорит: „Мой сын, твоя мать умерла от голода и от камня брошенного пионером. Скору умру и я. Как это не ужасно—умрешь и ты, но, сын мой, дорогой, умрем же с честью, за свое дело!"

Вскоре старый муаззин сходит с'ума, а вслед за этим умирает. Осиротевший Салих ищет работу. Но его, как сына служителя мечети, гонят отовсюду. Наконец, он знакомится со своим соседом—коммунистом Султаном. Султан в вверенном себе учреждении устраивает Салиха на должность, с обязательством во всем подчинятся его, Султана, воле.

Салих знакомится с сослуживицей по имени Индиса. Он узнает, что она, отказавши в любви Султану, последним преследуется и что на нее подготавливаются доносы в Г.П.У. Обо всем Салих информирует девушку. Султан же, в свою очередь, узнав об „измене" Салиха, лишает его своей опеки. Его выгоняют со службы. Как сына муаззина, его изгоняют также из „комсомола". Салих вновь на улице.

Убежденный в том, что ему больше нет места под коммунистическим небом и весь охваченный чувством мести, в минуты отчаяния, он думает про себя:

— „Новый режим убил мою мать, отца довел до сумашествия, а меня, лично, подверг участи обездоленного пария. Что же после этого делать... Отомстить за всех обиженных и обездоленных лишенцев!..."

Он принимает решение: покушается на жизнь Султана.

Но автор не дает своему герою погибнуть окончательно. После отбытия тюремного заключения, Салих женится на своей Индисе.

Как видите, в этом повествовании советская жизнь довольно реалистически описана. Переданы ужасные условия гонимого человека и выведен тип героя, борющегося против этих гонений.

Не трудно себе представить, как советская критика обрушивается на автора за этот „дерзкий реализм". Она называет его „реализмом на изнанку", не освободившимся от „мелкобуржуазной концепции классового врага" (№ 125, год 1934, „Бак. рабочий"). По мнению большевистской газеты, автор, „окутанный сетью обыденных условностей, не мог возвыситься до наблюдательной высоты и увидеть подлинно-революционную действительность!..."

Критик полон возмущения против Салиха, устами которого автор высказывает следующие вещи:

— „Ищу работы — говорит Салих — но ее не нахожу; собственно ее и нет; никто не строит дом, где бы я мог подать камень; никто ни в какую мельницу не посылает единого зерна, чтобы я мог служить амбалом!"

У большевиков в Азербайджане есть, конечно, и чисто коммунистические произведения, которые охотно печатаются. Но эти „социальные заказы", посвященные разным колхозам и ударникам, или воспевающие героические выступления Димитрова перед германским судом, или, наконец, льющие слезы над участью „великого узника" Тельмана, едва ли стоят того, чтобы над ними останавливаться. „Героизм" Димитрова и „мученичество" Тельмана трогают азербайджанского читателя не больше, как нас с вами трогали бы, скажем, трагедия лузитанского диктатора Лонга и героизм его наследницы мадемуазель Шарлотт!...

Как уже было нами отмечено в прошлом году, в докладе „О национальном уклоне в Азербайджане", действительно талантливые новички из рядов комсомола идут в подполье и там встречаются с настоящей стихией Азербайджана, на почве которой и создается не печатные, а из рук в руки и из уст в уста переходящие нелегальные стихи, отражающие полную картину советской неволи.

Вот вам стих гонимого, полного отчаяния и драматизма молодого поэта, спрашивающего себя—почему он родился?

ПОЧЕМУ Я РОДИЛСЯ ПОЭТОМ?

Что же мне писать еще об Отчизне?
Враг торжествует, друзья скрываются...
Не знаю почему, как преступник,
Преследуется поэт, любящий Родину?
Я же не ограбил, не стал беглецом?!
Я же не нарушил общественный покой?!
Я же не ударил ножом в спину друзей?!
Никакую казнь я не подписал!
Почему же я гонимый у себя?
Тюрьма ли кругом? Я задыхаюсь!...
В проклятое время, в подвластной стране —
Почему же я тут родился поэтом?!...

Отчаяние, охватившее поэта, задыхающегося от отсутствия свободы, угнетает с еще большей силой нежную душу поэтессы. Это передает нам лирический стих „Разлука" одной из азербайджанских поэтесс:

„Солнце скатилось с моих небес,
Светлая жизнь омрачилась тьмой,
Стрелы вонзились в больное сердце...
Пусть истекает кровью! Безнадежно! — сказали.
Взойдет ли еще оно — солнце мое?
Не победит ли свет тьму еще раз?
Не наступит ли заря, не разгонит ли туман?
Не теряй ты надежду! Наверное! — сказали.

Мы бы ошиблись, если допустили бы, что в подневольном Азербайджане национальная воля и любовь к свободе находит выражение только в символике легальной литературы и в пессимистическом творчестве загнанных в подполье сентименталистов. Нет, Азербайджан выделяет из своей среды и самоотверженных борцов за правое дело. Эти борцы, предпочитающие героическую смерть бесславной жизни, мужественно идут на бой и заполняют тюрьмы и далекие страны ледяного севера бесчисленными борцами за восстановление потерянной независимости.

Среди этих борцов не мало молодых, порывистых людей с поэтическими дарованиями. В одной из своих корреспонденций из Баку, наш эмигрантский журнал „Ени Кавкасия" знакомил нас с некоторыми стихами этих авторов—узников советского оккупационного режима. Среди этих стихов, полных боевого духа и ненависти к национальному врагу, характерна одна своеобразная полемика в стихах. Один из заключенных, описав ужасающую картину казней и страданий, в заключительном слове обращается к товарищу с просьбой—лучше не писать. На что другой, соглашаясь с тем, что ужасы, чинимые врагом, страшны настолько, что в состоянии „иногда напугать даже и нас", т. е. узников, отвечает: „Не боюсь могилы, вырытой врагом. У врага маленький масштаб, измерил он по себе. Небо, ведь, в землю не уместится". И далее: „Кровавый дьявол быть может способен на все. Он может убивать, разрушать и все предавать огню и мечу. Но ему нет доступа в Рай, где он бессилен. Этот Рай — наша верующая душа. Где есть вера, там отсутствует дьявол!."

С подлинным героизмом и возвышенным настроением этих борцов, полных веры в светлое будущее своего народа и жаждущих свободы, знакомит нас свободная от большевистской цензуры эмигрантская печать. Разумеется речь идет не о политической публицистике, а о художественных творениях писателей-поэтов, среди которых выдающееся место следует отвести огненным стихам, автор которых выпустил их под псевдонимом Гюль Текин. В этих стихах мы находим настоящую национально-революционную поэзию. Вера в правоту национального дела, а потому уверенность в силе борьбы за это дело у Гюль Текина возведена в самый высший культ. Разбор всех его стихов занял бы у нас много времени. Потому ограничимся только несколькими примерами, в надежде, что по ним вы с'умеете составить себе приблизительное о них впечатление.

Вот, например, содержание стихотворения, посвященного национальному знамени и независимости: —

„Разорвав оковы, об'явил себя свободным —
Прочь ты, враг, в ад, сожги петлю свою,
Знамя, возвышавшееся над веками,
Оградит Родину на веки веков.
Мое знамя не умрет, а если умрет,
Все страны света перевернутся вверх дном!
Кровью азербайджанцев довольно упиваться,
В тирании превзошел ты деяния Нерона!
Твой нож, хотя ужалил сердце,
Зато родил жажду неутомимой борьбы.
Пока Родина в плену у русских,

Святая месть будет лозунгом моим!
Я — азербайджанец, славное ношу имя!
В моих жилах течет протестующая кровь!
Я не сирота, не беззащитное существо—
За мной любящий правду целый мир!
Упадет режим кровавой неволи,
Азербайджан вновь станет моим!
О, свобода, чарующая, любимая Фея!
Душою весь предан азербайджанец тебе!
Придет день и я зубами вырву кинжал,
Врагом вонзенный в сердце!
Да здравствуй в муках рожденная Свобода!
Да здравствуй Родина, о независимый Азербайджан!

V

Если верно, что литература является лучшим зеркалом, отражающим душевные настроения народа, то обозреваемый материал дает нам полное право отвергать всякое пессимистическое суждение о том, будто коммунизм в корне убил национальное чувство в оккупированных странах.

Мы уже имели случай вескими фактами и с не опровержимыми документами в руках доказать политическую несостоятельность этого суждения в отношении Азербайджана, находя, что это доказательство применимо также и к другим нерусским национальностям Советского союза.*) В настоящем докладе, думается нам, эта теорема получает свое разрешение и с литературной стороны.

Нет сомнения, что в неслыханных условиях жесточайшей борьбы, несмотря на всевозможные лишения и кажущееся смирение, в недрах азербайджанской действительности растет и крепнет железная воля к освобождению страны и восстановлению потерянной независимости. Нижеследующие слова поэта, без сомнения, наилучшим образом характеризуют моральное „Я" современного поколения борющегося Азербайджана:

„Моего народа знамя не упадет,
Чужого не потерпит родная земля,
Русский не посмеет задеть красавицу,
Обожатель азербейджанки — это только я!
Не товарищ мне оккупант — он мне враг.
Не уступлю родину — это моя любовь,
Не просто земля — отчизна моя!
Властелин Азербайджана — это только я!"

Не только Азербайджан для азербайджанцев, но и азербайджанцы для Азербайджана. Вот, например, в каких лирических тонах воспевает преданность Родине другой поэт, Эльмас Ильдырым, в своем глубоко прочувственном стихотворении „На чужбине":

„Я родился в стране огненных земель,
Топтанных сапогами чужестранцев.
Во время всех зим и весен, проглатывающих мою жизнь,
Я постоянно плачу только ее печалью.

*

Пусть это рай — любая из стран,
Я пройду по ней, не останавливаясь ни на миг.
Пусть замерзают на горах истоки ручейков,
Я напьюсь, все же, ядом горькой доли моей.

*

Цветы оповещают о наступлении весны,
У меня же, раненного в сердце, в сознании лютая зима.
Поклониться не могу чуждому мне алтарю,
Хотя спутником моим и станет дикий ураган!

*

Нет!... умирать не хочу, не увидев Родину — мать,
Я ведь там заплакал и там же я посмеюсь!
Пусть не радуется он — чудовище Кремля,
Я родился в урагане, в урагане же умру!"

*

Мы ни на минуту не сомневаемся, что носители такого высоко-патриотического духа, являющиеся моральными властителями азербайджанских сердец, в очередном этапе истории, наступление которого не за горами, с'умеют стать господами положения и в материальном смысле слова, тем более, что эти выразители азербайджанского „Я" хорошо усвоили историческую необходимость солидарности всех порабощенных Россией народов и союза кавкасских республик, нераздельность политической судьбы которых ныне очевидна для всех.

Еще Молла Панах Вакыф, во времена борьбы с грозным Ага Мехмед Шахом, воспевал кавкасскую солидарность и Абдурахман бей в пьесе „Ага Магомед Шах Каджар" проявил ту же тенденцию. Автор высоко национальных стихов, Гюль-Текин, не раз выступал с идеей кавкасской солидарности: его стихи —„Песня Кавказа" и „Гюрджю Кардаш" (Брат Грузин) советуют всем народам Кавказа, подав друг другу руки, спасать родной Кавказ!

Наконец, и новый певец Азербайджана, уже цитированный нами Ельмас Ильдырым, — не давно убежавший из большевистской неволи — не мыслит Азербайджана вне Кавказа. Он „нашел редкую по ценности жемчужину, не из Ирана, не из Индии, не из Афгана и не из Китая, а из Кавказа" и это „Кавказ Шамиля! О, если бы он с'умел бороться, как Он. Эти горы, возвышающиеся до небес, дышащие свободой и зовущие в бой, этот Кавказ, он не заменит ни на что: ни на мировую революцию коммунистов, ни на небесный Рай ангелов". Его стихи на эту тему я уже имел случай цитировать. Думаю, что от их повторения мы только выиграем:

„Мне говорят: забудь Родину, за то получишь новый мир!
Отвечаю: дайте мою любовь, мое право, мою Родину!
Я влюблен в Кавказ. Если меня сожгут в „ледовитом аду",
Величественные горы не в силах будут носить по мне траур!
Коль ангелы, в утешение, обещают мне Божественный Рай,
Скажу им: не хочу, дайте мне мой Кавказ!"

Сколько молодых сил с подобным настроением и с такой верой гибнет в разных советских застенках и в местах ссылки, в „Ледовитых адах", — по выражению поэта. „Ледовитым адом" Гюль Текин озаглавил одно из лучших своих стихов, посвятив его ссыльным братьям-азербайджанцам. Стоит это выслушать целиком:

ЛЕДОВИТЫЙ АД

(Посвящается ссыльным азербайджанцам)

„Сибирь, о холодное и страшное море,
Не спи безмолвно на груди севера.
Встань, к тебе пришли гости,
Они несут страшные дары.
Любовью растопи оледеневшие руки,
Любезно раскрыв милосердное об'ятие,
Прими их, истощенных борцов,
Они холодны, голодны и больны!
Ты, земля, о могила
Не только убийц, но и борцов за право!
Преклонись перед этим пожелтевшим букетом,
Огради их от смерти, даруй им жизнь!
Помни... их преследует враг,
Разлука раздирает их сердца,
Их послала несчастная страна,
Слезы и печаль у них в глазах!
Не терзай их, они сироты,
О, ты холодом жгущий ледовитый ад!
Скажи зиме, богине твоей,
Что в об'ятиях ее голые спят.
Сжалится пусть над гибнущей жизнью,
Да перестанет буря и умолкнет ураган!
Пусть ветер, как теплое об'ятие,
Согреет их, как комок, покрытых снегом.

* * *

О... эта беспросветная тьма!
Каким образом она покрыла землю?
Заткнулись все поры дыхания,
Задыхается как будто шар земной!

---

*) Доклад о „Национальном уклоне в Советском Азербайджане"—„Wschód" № 17—18, „Северный Кавказ № 11—12.

Грязный подол мутного неба
Упал на землю — это Тундра!
Сибирь, Сибирь, да — это Сибирь,
Это кровавая „Чека“ природы!

* * *

О мать моя!
О чем ты горюешь, зачем расплакалась?
Может быть тебя обижают?
А может быть вспомнила ты о сыне?
Нет... Ты о нем не думай.
Он теперь в объятиях ледовитых полей,
Он холод сосет и не насыщается.
Огонь же сердца ему диктует:
— Утри слезы, терпи, не падай духом,
— После каждой зимы приходит весна!

* * *

А вы, о борцы, железными шагами
Идущие по страшному пути смерти!
Идя под руку с Немезидой,
Судьбу за собою вы несете.
Протяните вы мне руки,
Поздравлю я вас, молодцы;
Вы не склонили голову перед силой,
Сказав, не жить азербайджанцу бесправным!
И на шашке, занесенной над вашими головами,
Вы смело начертили: — требуем свободы!
Ваш путь — правдивая и верная дорога,
Солнце взойдет по вашим следам!
Вы не одни, спутников у вас много,
За вами в целом весь верущий народ!
Если атакует вас враг со всех сторон,
Не бойтесь и не теряйте веру в свободу...
Мы идем за вами, по той же дороге,
С кликом: Независимость, Независимость, Независимость! *)

Вот подлинное поэтическое выражение национально-освободительного движения Азербайджана! Это смелое и полное надежд движение, будем верить, поведет нас к желанной цели, к полному торжеству заветнаго идеала!... И тогда, мы, с полным правом и наслаждением, повторим слова поэта, значение которых, надеюсь, вы поймете и так — без перевода:

„Sen bizimsin, bizimsin, durdukca bedende can,
Yaşa, yaşa, çok yaşa, ey şanlı Azerbaycan!“

Конец.

*) Оригинал этого стихотворения читатель найдет в сборнике: „Istiklâl ugrunda“ — Istanbul. 1928.

Дж. Х-и

Как погиб Нажмутдин Гоцинский

(Составлено на основании рассказа участника событий)

После ликвидации восстания 1920—21 г.г., большевики не решились задержать шейха Нажмутдина из Гоцо, позволив ему уйти в глубь гор. С этого времени шейх Нажмутдин начал переезжать из аула в аул, нигде не задерживаясь по долгу. 1921 и 1922 г.г. он провел в б. Веденском округе. В 1923 г. он переехал обратно в Дагестан. Большевики вели все это время за ним наблюдение, подсылая к нему неоднократно наемных убийц и шпионов. Около 20-ти подобных типов было захвачено окружением Нажмутдина и расстреляно. Одновременно, большевики несколько раз требовали у жителей выдачи шейха, грозя в случае отказа суровыми репрессиями „за укрывательство".

С 1923 года большевики начали предпринимать активные попытки с целью захвата Нажмутдина. Предварительно они произвели массовое разоружение населения по всему Северному Кавказу. Затем в горы были двинуты войска. Колона, шедшая из Суюндж-Кала, дошла только до аула Шатой, т. к. дальнейший путь затрудняла испортившаяся погода. Войска из Терк-Кала по тем же причинам застряли на границе нагорной Чечни и Ингушетии. Красная милиция, которая шла со стороны Ботлиха, была задержана в одном из ущелий чеченцами и вернулась обратно. Таким образом, попытка кончилась неудачей.

В феврале 1924 г. большевики, получив известие, что шейх находится в ауле Зансой, отправили туда сильный отряд кавалерии, который окружил аул.

Но отряд этот в свою очередь был окружен андийско-чеченскими партизанами, попав таким образом сам в ловушку. Только вмешательство шейха, который не хотел навлекать на голову мирного населения мщения большевиков, предотвратило схватку. Красному отряду разрешено было отступить. Но в Аргунском ущельи отходящий отряд наткнулся на другую группу партизан, которая значительно его потрепала.

В апреле 1924 г. Нажмутдин Гоцинский переехал в Салатавию. Вскоре в Салатавию нагрянули неожиданно и большевики. Красноармейский отряд перешел реку Сулак недалеко от аула Миатли и окружил аул Делим. Шейха в это время в ауле не было, но его ближайший сотрудник, Хазу-Хаджи, был вынужден сразиться с красными. Битва окончилась для горцев неудачно и красные заняли аул. Десять домов в ауле были сожжены, а из жителей взяты заложники в количестве 37 человек. Хазу-Хаджи с остатками отряда успел отойти и соединился с шейхом. Большевики, боясь видимо окружения, не преследовали Хазу-Хаджи и вскоре двинулись в обратный путь. По дороге, в ауле Алмак, они сожгли еще 7 домов и взяли столько же заложников. В числе заложников находился некто Тагир-Хаджи, весьма уважаемое в районе лицо. Впоследствии его расстреляли в Суюндж-Кала.

После этой экспедиции, шейх Нажмутдин опять переехал в Веденский район.

В июле 1924 г. в Чечне были сосредоточены значительные советские силы. Эта концентрация большевистских частей совпала с болезнью шейха, который, чувствуя, что он не может лично руководить операциями при возможном наступлении красных в район его расположения, распустил имеющийся при нем небольшой отряд и начал опять переезжать из аула в аул.

Нужно заметить, что советские власти неодно-

кратно обращались к Нажмутдину с предложением „заключить мир", но встречали всегда отказ. „Большевики не могут сдержать данного слова, так как это противоречит их закону"—говорил в таких случаях шейх. Этого же мнения держались и его сподвижники. Таким образом, обман большевикам не удавался.

Но и попытки захватить шейха открытой силой также не давали результата. Неудачны были и попытки 1924 года.

В 1925 г. большевики решили видимо покончить дело одним ударом. В Чечне, Дагестане и в Терк-Кала были сосредоточены еще большие советские силы. Положение шейха становилось с каждым днем все более критическим. Необходимо было— или организовать общее восстание или же покинуть пределы Северного Кавказа и эмигрировать за-границу. Ни на первое, ни на второе шейх не соглашался, хотя со всех сторон его уговаривали поднять восстание и стать во главе его.

Поведение шейха говорило, что он ищет случая, чтобы принести себя в жертву так, чтобы никто из окружающих не пострадал. Случай такой вскоре представился.

Это было в середине Сафара, т. е. августа, 1925 года. Сконцентрированные в бассейне Терека и в Дагестане советские отряды, состоящие из частей всех родов оружия, двинулись в горы и окружили аул, в котором находился шейх Нажмутдин. Войска шли несколькими отрядами—через Ингушетию, Чечню, из Дагестана и со стороны Грузии через Тушетию. Всего в операции участвовало до 20 тыс. человек. Для успокоения населения с аэропланов разбрасывались прокламации, в которых писалось, что происходят обыкновенные маневры и жителей просят не беспокоиться и сидеть по домам.

Шейху удалось избежать окружения в ауле, так как, узнав о приближении большевистских отрядов, он на рассвете с 6-тью спутниками скрылся в ближайшем лесу. Имена спутников, из которых только одному удалось избежать расстрела (сейчас он в эмиграции), следующие: Хазу-Хаджи из аула Делим, Хасан Зубаир из Тухида, Рамазан Муртаза-оглу из Конхида, Умар Хаджи из Хакмеды, братья Шамсутдин и Смаиль Мусса-оглу из Цельмеса.

В течение 10 дней Нажмутдин Гоцинский и его сотоварищи находились в лесу, получая глубокой ночью провизию из аула Хакмеды (т. е. из того аула, в котором они находились перед этим). Все это время без перерыва шел дождь. Шейх Нажмутдин, еще не вполне оправившийся после болезни, чувствовал себя очень плохо и почти ничего не ел. По несколько раз в продолжении дня он терял сознание. О положении шейха узнали некоторые жители Хакмеды. Пробравшись тайком в лес, где находился шейх, они ночью перевезли его в один из ближайших кутанов и укрыли его там вместе с Хазу-Хаджи и Зубаиром. Высота над кутаном была занята красным эскадроном, который в эту ночь покинул ее, так как было очень холодно. Этим воспользовались оставшиеся в лесу спутники шейха и сами заняли высоту.

На следующий день под вечер большевикам стало известно местопребывание шейха; узнали они и о занятии высоты его спутниками и начали обстреливать кутан и высоту артиллерийским огнем. Затем огонь был перенесен на ближайшие аулы, из которых аул Хакмеды (свыше 300 дворов) был совершенно разрушен. Из аула было взято 105 заложников. Вместо успокоения, население выслало к шейху депутацию, прося его стать во главе населения и двинуться на красных.

Нажмутдин начал уговаривать прибывших, об'ясняя им бесполезность такого предприятия. Затем он заявил, что всякое сопротивление в создавшихся условиях он считает безнадежным и что поэтому, не желая подвергать заложников расстрелу (о расстреле заложников в случае сопротивления писали в своих прокламациях большевики), а аулы разорению, он постановил отдаться в руки врага. После этого он приказал вывесить над кутаном белый флаг.

Увидев, что шейх Нажмутдин решил сдаться, советские войска прекратили огонь, отойдя за реку Аргун, а красное командование прислало шейху письмо, в котором требовалась сдача без всяких условий. На это шейх Нажмутдин ответил, что на сдачу без условий он не согласен и об условиях сдачи будет говорить только с комисаром Чечни Таш-Темиром Эльдархановым и командующим всеми советскими экспедиционными войсками. Мало того, для переговоров указанные лица должны прибыть на тот берег Аргуна, на котором был расположен кутан. Красное командование ответило, что ни Эльдарханова, ни командующего частями нет при войсках и они могут прибыть не ранее нескольких дней. Тогда шейх и его сподвижники верхами под'ехали к берегу Аргуна. С противоположной стороны также выехало двое всадников. Переправившись через реку, всадники спешились, сняли с себя оружие и подошли к шейху.

Осмотрев прибывших с ног до головы, Нажмутдин спросил:

— Кто вы такие?

— Я являюсь помощником начальника отряда, а это мой ад'ютант. Мы прибыли, чтобы узнать, каковы будут ваши условия — последовал ответ.

На это шейх ответил, что разговаривать об этом он будет только с начальником отряда. Услышав такой ответ, прибывшие вернулись обратно. К вечеру же к Нажмутдину прибыл сам начальник отряда. О чем они говорили — неизвестно. После разговора с начальником отряда, шейх сел на коня и в сопровождении Хазу-Хаджи и Зубаира переправился на другой берег Аргуна, где торжественно был встречен красными войсками. Торжественная встреча была ему устроена и в Суюндж-Кала, куда он прибыл на автомобиле и без всякого конвоя.

Большевики и здесь оказались большевиками. Под предлогом того, что шейх Нажмутдин должен временно покинуть Северный Кавказ, они вывезли его в Ростов — с соблюдением опять-таки внешних знаков уважения — и здесь через некоторое время расстреляли в подвалах местной „чека". Одновременно с ним были расстреляны Хазу-Хаджи и Зубаир, не покинувшие своего шейха до последнего момента.

Турция, март 1936.

ОБЗОР ПЕЧАТИ

Работа коминтерна в Чехо-Словакии

Орган швейцарских католиков „Courrier de Génève" дает следующую характеристику работы коммунистов в Чехо-Словакии:

„Коммунисты в Чехо-Словакии пользуются гораздо большей свободой с тех пор, как выявили свою „лояльность" в отношении государства. Это относится как к официальной коммунистической партии, так и к разнообразным „нейтральным" организациям и группам, афиширующим своей аполитичностью и проводящим коммунистическую программу под видом „Союзов друзей России", изучения „культурных и экономических отношений с Россией" и т. п. Эти законспирированные боевые отряды коммунизма в продолжении своей годичной работы достигли уже значительных результатов, проникая своими влияниями в разнообразные общественные слои, в первую очередь в среду рабочих и крестьян, где они систематически организуют „культурно-просветительные" лекции и беседы, издают журналы, посвященные „культурным и экономическим" вопросам, связанным с Советами, и т. д. В последнее время можно даже заметить увеличение интереса к России среди мелкой буржуазии и представителей капиталистического мира. Интерес этот вызван в значительной степени публичными докладами, организованными (явление весьма характерное и знаменательное) партией Бенеша. Большую помощь коммунистической акции оказывают также советские фильмы. Недавно в Праге был нанят специальный кинематограф для показа советских кинокартин.

Все больше и больше развивается коммунистическая деятельность на страницах печати. Большие услуги оказывает коминтерну еженедельник „Neue Weltbühne", являющийся как бы продолжением издаваемого перед этим в Германии еженедельника „Weltbühne". Благодаря хорошо продуманной тактике и денежной помощи, коммунисты овладели этим журналом при помощи своего человека, эмигранта из Германии, журналиста Хейнца Поля (Heinz Pol). Действительный редактор „Neue Weltbühne", Будзиславский (Budzislawsky), также эмигрант из Германии, исполняет собственно роль марионетки. Он нужен только потому, что его считают за не-коммуниста. Вторым еженедельником, издаваемым в Праге, который позволил захватить себя коммунистам, является журнал „Wahrheit".

Среди чехо-словацкой интеллигенции, а также среди студентов, действует с успехом организация „Levá Fronta", имеющая две секции: чешскую и немецкую (в соответствующих областях—секции: словацкую и венгерскую) Деятельность этой организации аналогична деятельности вышеупомянутых разных „друзей" России. Она находится в постоянном и тесном контакте с союзом радикальных писателей под названием „Bert-Brecht-Club", фракция которого носит многоговорящее наименование — „Союз революционных писателей".

Следует еще добавить, что эмигранты из Германии имеют в Праге два издательства („Kacha-Verlag" и „Malik-Verlag"), с которыми постоянно сотрудничает коммунистический писатель Вейсскопф (Weisskopf), редактор коммунистического органа „A. I. Z".

Вся эта с огромным размахом предпринятая акция коминтерна есть прекрасно организована. Аппарат ее действует исправно, благодаря густой сети агентов и более или менее законспирированных агентур, которые поддерживают между собой постоянный контакт..."

К этой картине следует еще добавить, что „интерес к России" среди мелкой буржуазии и капиталистических кругов Чехии, упоминаемый „Courrier de Génève", идет по линии ожившего наново панславизма, пропаганда которого усиленно и умело ведется агентами большевизма. Панславистические тенденции среди чехо-словацкой общественности, вливающиеся в силу исторических рефлексов в русло традиционного руссофильства, еще более укрепляют позиции Советской России в Чехо-Словакии и дают ей возможность преобладающего влияния в бассейне Дуная. Ясно, что это положение в конечном итоге не может не вызвать реакции со стороны заинтересованных государств.

Как польская молодежь понимает задачи восточной политики Польши

„Młody Polityk i Ekonomista", орган студентов Школы политических наук в Варшаве, поместил недавно статью г. Петра Ласкавца (Piotr Łaskawiec) под заглавием — „Кавкасский Прометей". В статье этой, как свидетельствует уже само заглавие, автор проводит обзор освободительных стремлений кавкасских народов и разбирает общие положения проблемы независимости Кавказа. Свои выводы он заканчивает следующим образом:

„Советская Россия есть страной больших экспериментов и больших преображений. Задания ее империализма, определяемого велениями существующего режима, весьма обширны и захватывают многие направления. Поэтому наблюдение за развитием кавкасских проблем, как равно за всем тем, что разыгрывается за нашей восточной границей, которой так недостает элементов этнографических и исторических, черпание из этого соответствующих выводов, — диктуется нам необходимомостью бдительного заинтересования проблемами восточно-политическими".

KÜCÜK HABERLER — ХРОНИКА

MUHACIRLER ARASINDA—СРЕДИ ЭМИГРАЦИИ

TSAPUN AKKOTI

Digor köyü sakinlerinden Tsapun Akkoti, 1936 nın 14 Şubatında Tahran civarında bir otomobil kazası neticesinde feci bir surette vefat etmiştir. Merhum, sedaketi, cevvallığı, cesareti, şimalî kafkasya adetlerine bağlılığı ile tanınmış ideal, asil bir dağlı idi. Yalnız bu kadar değil. merhum, muhacir hemşerilerine karşı iyilik ve yardımı, fıtrî zekâsi ve kendine has düşünce tarzı ile dahi bir hususiyet taşıyordu. 1930 de Şimalî Kafkasya'daki isyan hazırlığında aktif surette iştiraki neticesinde ana yurdu terk etmek mecburiyeiinde kalarak 1930 de harice çıkmıştı. Tahran dağlı kolonisi merhumun şahsında çok acı bir ziya'a uğramıştır. Merhum Tahranda defnedilmiştir. Allah rahmet eylesin. A.

JAN MARTEN'iN MARUZASI

„Jurnal de Jenev" gazetesi başmuharriri ve Kafkasya milletlerinin büyük dostu Jan Marten, 25 Sonkânun'da Paris beynelmilel fikrî teşriki mesai enistitosuuda bir maruza okumuştur. Frans-Orient ve Kafkasya, Türküstan ve Ukrayna halkları dostluk komitelerinin teşebbüsile teşkil edilen maruza, kalabalık bir dinleyici huzurunda çok muvaffakıyetle geçmiştir. Kor diplomatik mümessilleri bir çok ileri gelen fransız siyaset adamları ve Rusya mahkûmu milletlerin mümessilleri maruza da hazır bulunmuşlardır. Riyaset masası başında Frans-Orient komitesi reis muavini d'Azi, ayni komitenin genel sekreteri Abdon-Buason ve dostluk komitesi reisi prof. Şulgin yer almışlardı.

PARİS VE VARŞOVA'DA MARUZALAR

— 22 Sonkânun'da Varşova Şark Enistitosu binasında mühendis Kosta Zangi tarafından „Kafkasya kadını" mevzuunda maruza okunmuştur. „Genc şarkıyatcılar dernegi" nin teşebbüsile tertib edilen maruza muvaffakiyetle geçmiştir.

— Sonkânun'un 31—de „Promete" klübu binasında ma'ruf leh fiziyoloklarından ve Moskva-Leningratta vuku bula son fiziyoloji kongrasına iştirak edenlerden prof. Sosnovski bir maruza okumuştur. Lehistan'daki Kafkasyalı taleberer cemiyetinin teşebbüsile tertib edilen bu toplantıda maruzacı, dinteyicilere Rusyaya seyahatı esnasında Rusya, Kafkasya ve Ukrayna'dan aldığı intibaleri anlatmış ve bitaraf bir görüşle bir çok vakaler zikr etmiştir. Maruzacının almış olduğu umumî intiba, şu suretle hülasa edilebilir:

Sovyet Rusyada iki kutub vardır — 1) müstebid bir hükûmet ve etrafını bürüyenler 2) bugün bile büyük mahrumiyetlere katlanan ürkmüş bir halk. Hakimiyet makinesi bir parça zayiflayınca halkın ademi memnumniyeti derhal kendini açıkça gösterecektir. Fakat hakimiyet kuvvetlidir. Bu kuvveti ancak hariçten gelecek bir darbe kıra bilir. „Etraf" ölkeler daha az ürkmüş bir vaziette ve merkeze karşı daha az bağlı gibi görünüyorlar. Bu cihet daha ziyade Kafkasya'da göze çarpmaktadır. Prof. Sosnovski iyi rusca bildiği için ekseriyetle „sovyet adamı" gibi karşılanmış ve bu yüzden iyice müşahedede bulunmak imkânını elde etmiştir.

Canlı bir surette yapılan bu maruza hazırun tarafından şiddetle alkışlanmıştır.

— Paristeki „Kafkasyayi ögrenme dernegi„nin teşebbüsile 25 Son kânun'da Data Vaçnadze „Gürcüstanın Şimal ve Cenubla kadim zamanlardan bugüne kadarki karşılıklı münasebatı „mevzuunda bir maruza okumuştur. Çok güzel geçen maruza Şimalin, rusyanın şahsında Gürcüstana karşı daima haince bir rol oynadığı cihetini kabartmıştır. İki saattan fazla süren maruza dinleyiciler tarafından büyük bir dikkat ve alaka ile karşılanmıştır.

— Varşova şehir arşivi müdüıü ve 1830—31 rus—leh harb tarihi mutahassislerinden binbaşi Adam Engler, 28 şubat'da Varşova'da Kafkasyalı talebeler cemiyeti binasında „1830—31 leh-rus harbinde başcı mes'elesi" mevzuunda bir maruza okumuştur. Varşova'da bulunan bütün Kafkasyalı gençler ve bir çok misafirler maruzada hazır bulunmuşlardır. Çok iyi tertib ettigi ve iyice söyledigi maruzasında Engler, değil yalnız tetkık ettigi devirde, ayni zamanda yüksek idealler güden her hanği bir savaşta, başcı mes'elesine dahi temas etmiştir. Bu cihet dinleyicilerin daha fazla alakalerini uyandırmıştır.

Maruza'nın sonunda hazirun şiddetli alkışlarla degerli maruzaciye teşekkürlerini bildirmiştir.

В ВАРШАВЕ

— 13 марта в Восточном Институте состоялся доклад г. Магомета Чукуа на тему — „Исторические этапы русского империализма". Доклад был устроен Кавказской секцией Ориенталистического Кола Молодежи. Многочисленная аудитория, состоящая преимущественно из представителей польской молодежи, с большим вниманием выслушала выводы докладчика, наградив его затем продолжительными аплодисментами. Докладчику предложено было повторить доклад в студенческой Лиге международного сближения.

— В марте месяце состоялись еще два доклада из цикла докладов, организованных Союзом кавкасской молодежи в Польше. Доклад „О повстанческом движении на Кавказе до 1930 г." прочел г. Н. Хаджи-Байрамлы, сам участник повстанческого движения. Второй доклад был посвящен „Искусству Кавказа". Доклад был прочитан г. Азисом Мелик-Задэ, слушателем местной Академии изящных искусств. Кроме кавказцев, на докладах присутствовали члены крымской и украинской студенческих колоний. Доклады сопровождались традиционным обменом мнений.

KAFKASYA HABERLERİ—ВЕСТИ С КАВКАЗА

ŞİMALÎ KAFKASYA'DA SOVYET MEKTEBİNİN BERBAD VAZİYETİ

Şimalî Kafkasya'daki sovyet mektebinin berbad ve perişan vaziyeti hakkında defalarca bu sütunlarda yazmışızdır. Şimdi, Stalin'in sözüne göre „yaşamak daha iyi ve daha şen" olduktan sonra ilk sırada bu berbadlığa bir nihayet verilecegi umulurdu. Fakat, ne gezer, bunu katiyen görmüyoruz.

Başlıca olarak mahellî halkın emek ve maddî yardımı ile aullarda inşa edilen mektebler (mesela 1933—34 de Şimalî-Kafkasya aullarında halk tarafından 100 den fazlası Dagıstanda olmak üzre 200 den fazla mekteb binası inşa edilmişti) kendi başına bırakılmış ve hükûmetin dikkatını çekmek saadetine nail olmamıştır. Para olmadığı için mekteb binaleri tamir edilemiyor, bir çoğu teshin edilmiyor, muallimler aylarca maaşlarını alamıyor v. s. Şimalî-Kafkasyadaki sovyet mekteblerinin vaziyeti „Dagestanskaya Pravda" gazetesinde (Sonkânun nushası) şu şekilde tasvir edilmektedir.

„Karah mıntakasında iki yarı orta mekteb (Kurah, Kebir) vardır. Her iki mekteb feci bir manzara arzetmektedir. Kurah mektebi internatında intizamsızlık var, temizlik namına da bir şey yoktur. Ders odalarının çoğunda soba olmadığı için çocuklar soyuktan donuyorlar. Sobası olan ders odaları da yakılmıyor. Mektebde sıcak kahve altı yoktur. Mektebde su da yoktur, çocuklar su içmek için nehire koşuyorlar. Bir sözle çocukların kaydine kalan yoktur. Bu rezaletler hakkında Ahundof ve Ramazanof yoldaşlar yazıyorlar". Kalançiyef yoldaş yazıyor:

— . Kış her tarafı basmış, lakin Kayalı yarı orta mektebinde (kulin mintakası) şimdiye kadar soba yapılmamıştır. Çocuklar soyuk ders odalarında çalışıyorlar".

K—ski nam birisi Kurah'dan bakınız ne yazıyor:

— „Kurah yarı orta mektebi internatında 61 talebe vardır. Geçen senenin Eylûlundenberi bir defa da olsun çamaşırlari, yatak çarşafları ve yasdık yüzleri degiştirilmemiştir. Çocuklar gayri sıhhi bir şerait içinde yaşıyorlar. Çocukların terbiyesi için çalışan yok, istirahat günlerinde aşhane kapalı olduğundan çocuklar aç kalıyorlar. Yatak odaları berbad ve souktur. Değil kaynanmış, hatta âdi su bile yoktur".

Abramof yoldaş yazıyor (Hasav-Yurt mıntakasının Yevgenevka köyünden):

„Muallimlerin maaşı burada oldukca gayri muntazam bir surette veriliyor. Ben geçen senenin Haziranından İkinci teşrinine kadar ancak avans almışımdır. Dahilî istikraz için 148 r. 50 k. verdim, fakat şimdiye kadar batış yurt köy sovyetinden (bizim köy şimdi başka bir köy sovyetine geçmiştir) ne istikraz eshamını ve ne de maaşımın artıkı olan 77 rubleyi aldığım yoktur".

Ozek Suat aulu muallimlerinin bir mektubu:

Acıkulak mıntakası Ozek Suat aulu mektebi berbad bir vaziyettedir. Pencerelerden ruzğar içeriye vuruyor. Mekteb, yanacak cihetince temin edilmemiştir. Ders odalarında masa, sandalya ve bu gibi elzem eşya kâfi gelmiyecek derecededir.

Köy sovyeti, muallimlerin kati'yen kaydine kalmıyor. Soyukta oturuyor, maaşlarımızı gayri muntazam alıyoruz. Uç ay zarfında maaşı 30—50 ruble olmak üzre kısım kısım verdiler.

Bu mes'eleleri bir kaç defa köy sovyeti riyaset heyetinde vazet'ik, şikâyette bulunduk, fakat hepsi nafile, hiç bir netice çıkmadı".

Bütün bu vak'aleri gazete Kuzma Prutkof biçimi bir kısseden hisse ile bitiriyor ve diyor ki:

„Eger sıcak, temiz, ışığı bol bir mekteb, sıcak yemek, muallimlerin maddî hayatı için bir çalışma yoksa, o zaman mektebe yardım etmek mecburiyetinde olan adamların, mektebin kültür ve terbiye işlerini yoluna koyacaklarına ümid etmekte mana yoktur".

„MİLLÎ NEŞRİYAT" ARTIKLARI

Sovyet gazetelerinin bildirdigine göre „Millî neşriyat" denilen neşriyat Şimalî Kafkasya ehalisi tarafından ragbet görmemekte ve satın alınmamaktadır.

„Grozen. Raboçi" gazetesinin yazdığına göre Kogiz'in (Neşriyat dairesi) vilayet teşkilatları Çeçen-Inguş neşriyatı ambarında 1 Son kânunda 200 bin rublalık neşriyat kalmıştır.

„Kogiz" ambarında 115870 rub, millî neşriyat ambarında 70 bin rub. ve „Obpotrebsoyuz" ambarında da 18742 rublelik millî neşriyat bulunmaktadır".

„Molot" gazetesi de şunları yazıyor:

„Ilk Kânun'da Adıge millî neşriyatı çerkes dilinde olmak üzre stahanof ve kombaynerlerin müşavere materyallerini neşretmişti. Fakat kitab ticareti yapan teşkilatlar bu risaleleri yaymaktan kati surette boyun kaçırdılar. Yapılan neşriyatın ugradığı akıbet hep böyledır. Anlaşıldıki, Adıge'de kimse kitab ticareti ile meşgul olmak istemiyor".

Ve daha sonra:

„Köy kooperatifleri kitab şubelerinin raflarında 1929 de ve daha evvelce intişar eden risaleler durmaktadır. Yeni neşriyat ise olduğu gibi duruyor. Koşehabl köy kooperatifinde 13.5 bin rublelik neşriyat vardır. Bu kitabların hepsi sandıklara yerleştirilmiştir. Sandıklarda da sıçanlar yuva yapmışlardır. Natırbov, Ponejuk v. d. kooperatiflerde dahi vaziyet aynidir".

Aceba, şimalî-kafkasyalı okuyucusu neden kendi „millî neşriyatı" na karşı böyle bir lâkayıdlık gösteriyor? Bu neşriyatın karakteri ile aşına olursak sebebini anlamakta güçlük çekmeyiz:

„Bu neşriyat — gazeteye göre — Stalin, Molotof, Kaganoviç, Kuybişev, Manuilski'nin maruzalarından, Voroşilof, Orconikidze, Postışev'in çıkışlarından ve fırkanın XVII kongrası kararlarından ibarettir".

„Molot" gazetesi bu listeye (yukarıda kaydedilen „stahanof ve kombaynerler müşaveresi materyalları" indan başka) Karpinski nin „Leninizm hakkında müsahebeler" ini, „adığe yazıcısı" Keraşev'in „Şambul" nam komünist romanını ve S.S.S.R. nümunesi üzerine tertib edilmiş „kıymetli basma kalıb mekteb kitabları" nı dahi ilave etmektedir.

Işte bunun içindirki bu neşriyat şimalî kafkasyalı okuyucular tarafından boykot edilerek ambarlarda çürüyor ve sıçanlara yem oluyor.

ŞİMALÎ KAFKASYA'DA ALTUN İSTİHSALİ

„Şimalî Kafkasya bolşeviki „gazetesinde arziyatcı I. T. Kuznetsof'un şu kayidleri neşredilmiştir:

„Şimdi iki senedirki Şimalî Kafkasya nehirleri boyunda altun elde etmek işine başlanılmıştır. „Sevkavzoloto" (Şim. Kaf. altunu) müessesesi, bu necib madenin asil mahellini aramak yolunda sistematik surette bir faaliyet göstermiş, Karaçay, Kabardino-Bulkar, Şimalî Osetıya muhtar eyaletleri hudutlarına ve Urup, Teberde, Dauta, Marka, Baksan, Uruh ve Senkuti—don derelerine 12 keşif kolu göndermiştir.

Bu keşif kollarının toplamış oldukları zengin materyallar, Şimalî Kafkasya ülkesinde geniş mıkyasta altun mahelleri bulunduğunu göstermektedir. Bir kaç yüz damar ortaya çıkarılarak denenmiştir.

Şimalî Kafkasya'daki asil altun, muhtelif jeoloji devirlerinde teşekkül etmiştir. Buralarda Teherde, Dauta. Baksan, Çegem'de topraklarında olduğu gibi kadim altun mahelleri, Urup, Malka ve Teberde'nin orta akışında olduğu gibi kadim—paleozoy mahalleri ve nihayet Sonkuti—don ve Uruh'da olduğu gibi yeni teşekkül etmiş altun mahelleri mevcuddur.

Menşe itibarile çok mütenevvi olan bu altun mahelleri, buralarda mevcud diger anasırın istifadesi bakımından dahi şayani dikkattır.

1935 de arziyatci—kâşifler tarafından elde edilen materyallar neticesinde ülkemizin dağlık ve düzlük yerlerinde yeni altun ve nadir anasır mahelleri bulmak imkânı elde edilecektir.

Şimdilik şu kadarini söyliyelim ki, altun mahellerini geniş sahada tetkik etmek lazımdır. Jeoloji—araştırma sahelerinden başka 1936 de tesbit edilmış altun mahelleri sahesi dahi ihzar edilmiştirki, buralarda tetkıkat daha fazla derinden yapılarak denemeler yapmakla meşgul olunuyor.

Kafkasya dag ve düzlerinin serveti tükenmezdir. Bütün mes'ele, bu servetlerden elzem olanını elde etmekten ibarettir. Bu suretle ülkede yeni zengin fabrikalar kurulur ve Şimalî Kafkasya da altun istihsali bakımından ileri ülkelerden biri haline gelmiş olur".

PETROL İSTİHSALI İŞLERİ

Ayni gazetede („Şim. Kaf. bolşeviki 28.I.1936) K. Sokolovski nam birisi Moskva'da akademik (arziyatci) Gubkinle vuku bulan müşaverede 1935 yılında „Grozneft" in araştırma işleri neticesi etrafında konuşulduğundan bahsediyor ve diyorki:

„Akademik Gubkinle yapılan müşavere, Grozneft'in baş arziyatcisi yol. Brod, 1935 yılında Grozneftin araştırma işleri neticesine, bu yılki ve ileriki senelerein araştırma planına dair maruzatta bulunmuştu.

Gerek maruzacı Brod ve gerekse müşavereye iştirak edenler, son yılların tetkıkınden anlaşıldığı vechile garb ciheti kâmilen petrol mahelli olan Terek dag silsilesinin petrol istihsalı bakımından çok mühim olduğunu kaydetmişlerdir.

Voznesen petrol sahası dahi „kara altun" ca çok zengin bir sahadır. Bundan başka 1935 de Grozneft araştırıcıları tarafından tesbit edilen Adu-Yurt mahelli dahi parlak bir gelecege maliktir.

Müşavere, bilhassa Grozna ve Oktobr mıntakalarındaki araştırma işlerine ehemmiyet vermiştir. Araştırma-kazma işleri iyice yapıldığı takdirde Alda köyü mıntakasında ve Oktobr mıntakasının şark cihetinde Argun nehri istikametine dogru, yeni petrol madenleri keşfetmek ümidi çoktur.

Geçen seneki araştırmalar neticesinde Acı Su (Dağıştan) mıntakasında zengin petrol madeni bulunmuştu. 300 hektarlık bir sahayi işgal eden bu mahelde hazırlık işlerine başlanılmıştır.

Komşulukta olan Izberbaş petrol mahellinin dahi fazla mıktarda petrol verecegi tahmin edilmektedir.

Akademik Gubkin, Grozneft'in ilk olarak arziyat bakımından iyice işlenmiş bir araştırma planı üzerine çalıştığını kaydetmiştir.

Şunu da ilave edelimki, Şimalî Osetiy'da dahi bâzi petrol mahalleri bulunmuştur. „Proletariy Osetiyi" gazetesi 21.I.1935 tarihli nushasında şunları yazmaktadır.

„Terek ve Beli (Urs-don) arasındaki Darg-Koh yakınlığında Dargkoh kömür madeni araştırıcıları başta komünist arziyatci mühendis Belof olmak üzre petrol mahelli bulmuşlardır. Bu suretle bu mahelde petrol bulunduğu hakkındaki ihtimal teeyyüd etmiştir.

Orconikidze şehrine bu petroldan numune götürülmüştür. Mühendis Belof mahellî sanayi komiserligine rapor vermek için Moskva'ya hareket etmek üzredir. Vilayet teşkilatları bu mintakada araştırma işleri yapılması için icab eden tahsisatı temine çalışıyorlardır".

Garbi Adığe'de „Mayneft" tröstü mıntakasında dahi yeni petrol madenleri bulunmuştur. Bu hususta hususî muhabirinin bir telgrafını derc eden 30.I. 1936 tarihli „Molot" gazetesinde şu satırları okuyoruz.

„Tulski'deki petrol araştırma işleri bitmek üzeredir. Zengin petrol madeni bulunmuştur. Hazırlık işlerine başlanmış ve kazma tertibatı yapılmıştır. Mayıs ortalarında ilk petrol elde edilecegi bekleniyor.

„Mayneft" tröstü arziyat-araştırma kısmı müdürü Ertel'in söyledigine göre Asfal dağı (Hadıjey civarında) yanındaki Kutayis mıntakasında fiskiyeli hafif petrol elde edilmiştir".

Görüldüğü vechile sovyet petrol sanayiinin vahşice istihsal metodlarına rağmen, Şimalî Kafkasva'daki petrol ihtiyatı eksilmemektedir.

НА КАВКАЗЕ ОПЯТЬ НЕ СПОКОЙНО

Лицо, недавно побывавшее в Батуме, сообщает нам, что согласно ходящим там слухам во многих районах Кавказа опять наступили волнения. В нагорной полосе вновь массами появились повстанческие отряды, совершающие налеты на советские учреждения. Нагорные районы постоянно патрулируются советскими воздушными эскадрильями. Пассажирское движение по военно-грузинской дороге прекращено. Туристам запрещено отправляться в горы.

Сведения о волнениях на Кавказе подтверждает и письмо, полученное нами из Карса. Наш корреспондент пишет,

что в район Карса прибыла значительная группа беженцев— карапапахов, на днях перешедшая турецкую границу. Прибывшие также рассказывают о наличии по всему Кавказу частичных восстаний и увеличении активности партизанских отрядов.

Наконец, из Пехлеви нам сообщают имена новых жертв большевистского террора. В Псыхуабе расстреляны Мекир Магометов и Гангай Узденов. Оба они состояли в партизанской группе Омара Шаова, о расстреле которого сообщалось в № 18 „С. К." Мекир Магометов и Гангай Узденов погибли раньше своего начальника, так как они были захвачены красными палачами перед окончательной ликвидацией и пленением группы.

В Темир-Хан-Шуре расстрелян Хасан Раджабов, руководитель небольшой партизанской группы, многие годы действовавшей в Дагестане. В Суюндж-Кала расстреляны Эзирханов Мустик и Вахаригов Лорса, уроженцы одного из аулов нагорной Чечни. Расстреляны они за убийство коммуниста-односельчанина. Расстрелы эти, как и серия предыдущих расстрелов (см. №№ 16 и 18 „С. К."), имели место осенью прошлого года.

НОВЫЕ АВИО-ЛИНИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

„Северо-Кавкасск. больш." сообщает, что в текущем году на Северном Кавказе будут открыты четыре новые авио-линии. Первая линия расстоянием 650 клм. свяжет Псыхуабе с центрами Александровского, Благодарненского, Туркменского, Апанасенковского, Ипатовского, Дмитриевского, Евдокимовского, Труновского, Шпаковского и Спицевского районов.

Вторая линия, расстоянием в 500 клм., установит кольцевую связь между Псыхуабе и центрами Минераловодского, Новоселицкого, Сотниковского, Арзгирского, Буденновского, Степновского, Курского и Советского районов.

Авио-линия в 240 клм. будет открыта от Псыхуабе до Ново-Александровска через Ворошиловск (Ставрополь) и Ново-Троицкое.

Четвертая авио-линия в 190 клм. свяжет Псыхуабе с Нальчиком и Терк-Кала.

Открытие новых линий об'ясняется, как это делалось и раньше, хозяйственными соображениями. Однако, густота авио-линий на Кавказе, значительно превышающая густоту воздушных линий в иных районах СССР, ставит такое об'яснение под большое сомнение. Исключительное внимание, проявляемое сов. правительством к Кавказу в отношении насыщения его воздушными линиями, может быть об'яснено, как мы отмечали неоднократно, только милитарными соображениями.

РУССКИЙ ЯЗЫК В АРДОНСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

В Ардоне, в Северной Осетии, имеется средняя школа, преподавание в которой, до 4-го класса включительно, ведется на осетинском языке, а в старших классах на русском. Как будто, все в порядке: „и овцы целы, и волки сыты"—с одной стороны, удовлетворено национальное самолюбие „инородцев", а с другой стороны, сохранены позиции для руссификации. Но, оказывается, ученики Ардонской средней школы питают органическую нелюбовь к русскому языку. Как сообщает „Ræstdzinad", советская газета на осет. языке (№ 2361, 4-II-1936), они „не хотят учить русский язык, не читают русскую литературу, не работают над собою". В этих условиях, результаты обучения русскому языку, естественно, не блестящи. Газета иллюстрирует это несколькими примерами. Вот, например, надпись на обложке тетради ученицы 5-го класса Цаллакты Цаца:

Тетрад
Для Русской
Язик Учен 5 г
Цалагова Цаца

Из тетради Тладты Амирхана (5-ый класс):

Гнедая лошадь послось на луну.*) Вашо лоша гнедая...

Ведро полно вода
Склоние прилоготельных...

Из тетради ученицы 7-го класса Симы Адырхаты:

...для третего четверта...

Наконец, из тетради ученика 8-го класса Хоранты Джеора:

...числитела первого дроба...

Как видим, особым знанием русского языка не может похвалиться даже ученик, находящийся накануне окончания средней школы. И едва-ли эти девушки и юноши уясняют себе то, что их заставляют учить и писать на малопонятном, чуждом и нелюбимом языке. Не трудно вообразить— каковы должны быть результаты такой „учебы"!

*) Именно, „на луну", а не на „лугу"; это не ошибка нашего корректора, а дословная цитата из „Ræstdzinad".

РАЗНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

— Аз-ЧернТАСС сообщает, что в Туапсинском районе найден гроб из шести аккуратно высеченных каменных плит. В нем находились: хорошо сохранившийся скелет мужчины огромного роста, шашка в полтора метра длиною, кувшин и пять металлических наконечников стрел. Гроб относится к числу черкесских погребений XVI—XVII столетий.

— В ауле Тлох в Дагестане строится консервный завод. Завод будет выпускать фруктовые компоты. Производственная мощность завода предусматривает выпуск за сезон 2970 тысяч банок компота (абрикосового, персикового, грушевого и сливяного) и 140 тонн сушенных фруктов. В нагорном Дагестане предполагается постройка еще трех подобных заводов: в Унцкуле, Гергебиле и Ходжал-Махи.

— Советское правительство обращает все бо́льшее внимание на эксплоатацию природных богатств Кавказа. В текущем году главное геологическое управление СССР, по специальному заданию наркомтяжпрома, решило провести широкую разведывательную работу по всему Кавказу. Для этой цели, кроме имеющихся кредитов, дополнительно отпущено в 1936 году 2.3 млн. рублей. Всего будут работать 21 партия, которые должны охватить изучением территорию, примерно, в 25 тыс. кв. клм. На Северном Кавказе работы будут вестись по рекам: Зеленчуку, Тиберде, Малке, Сочи, Шахе, Схагуаше (Белой), Лабе и т. д. На южном Кавказе в районах Кудары, Базар-чая, Лагодехи, Закаталы и т. д.. Газ. „Дагест. правда" поясняет, что „основанием для постановки широкого изучения Большого Кавказа служат имеющиеся положительные данные о наличии там в ряде районов залежей полиметаллических руд, медных руд, редких металлов и т. д."

Поправка

В прошлом номере, в статье „Покаянное письмо Казбека Бутаева", мною допущена неточность. Я писал, что Казбек Бутаев был заменен на посту секретаря сев.-осет. обкома ВКП (б) Кравцовым. Оказывается, это не совсем так. Кравцов „секретарствовал" одновременно с Бутаевым, исполняя должность второго секретаря сев.-осет. обкома. Таким образом, и в этом случае „доверие" Москвы к северо-кавказским коммунистам не было полным, т. к. роль Кравцова уподоблялась фактически роли британского резидента при индийских правителях (тоже самое и в Дагестане, где к Самурскому также приставлен „второй секретарь", — и даже в Кабардино-Балкарии, где правит „испытанный" Калмыков). Вторым секретарем Кравцов остается и поныне — должность же первого секретаря сев.-осет. обкома ВКП (б) поручена некоему Мауреру, бывшему до слияния Ингушетии с Чечней секретарем ингушского обкома ВКП (б).

Догуж.

Опечатки

В № 22 нашего журнала на стр. 33—правый столбец, 16-тая строка — напечатано: Представителем Асо"циации... должно же быть: Председателем Ассоциации...; в 22-ой строке того же столбца: Председателем же Ассоциации... должно же быть: Представителем же Ассоциации...

OKUYUNUZ!!!

„PROMÉTHÉE"

KAFKASYA, TÜRKÜSTAN VE UKRAYNA MİLLÎ İSTİKLÂL HAREKETİNİN SİYASÎ ORGANIDIR. PARİS'TE, FRANSİZCA OLARAK ÇIKAN AYLIK MECMUADIR.

Adres: 1, Square Léon-Guillot, Paris (15-e).

„KURTULUŞ"

AZERBAYCAN MİLLÎ KURTULUŞ HAREKETİNİN ORGANIDIR. AYDA BİR ÇIKAR.

Adres: Berlin-Chlbg. 2, Postfach Nr. 16.

„DAMOUKiDEBELi SAKARTVELO"

GÜRCÜSTAN MİLLÎ KURTULUŞ HAREKETİNİN ORGANIDIR. PARİS'te AYDA BİR ÇIKAR

Adres: 38, rue Boileau, Paris (16-e).

„E M E L"

KIRIM MİLLÎ İSTİKLÂL HAREKETİNİNİ TERVİÇ EDEN AYLIK MECMUADIR. ROMANYA'DA ÇIKAR.

Adres: Constanta (Romania), Str. Rahovei Nr. 17.

„YANA MiLLî YUL"

EDİL-URAL MİLLÎ ÜLKÜSÜNÜN VE İSTİKLÂL HAREKETİNİN SİYASÎ ORGANIDIR. BERLİN'DE AYDA BİR ÇIKAR.

Adres: Berlin-Chlbg. 1, Postfach Nr. 8.

„YAŞ TÜRKÜSTAN"

TÜRKÜSTAN MİLLÎ İSTİKLÂLI İÇİN ÇALIŞAN SİYASÎ MECMUADIR. BERLİN'DE AYDA BİR ÇIKAR.

Adres: Nogent s. Marne (Seine) — 7, Square de la Fontaine, France.

„MiLLî BAYRAK"

UZAK ŞARKTA YAŞAYAN EDİL-URAL MİLLİYETCİLERİNİN HAFTALIK SİYASÎ, EDEBÎ İÇTİMAÎ ORGANIDIR. MUKDEN'DE ÇIKAR.

Adres: Nip. P. O. Box 104, Mukden, Manchu-Ti-Kuo.

Mecmuanın müdürü: BARASBİ BAYTUGAN — Редактор журнала: БАРАСБИ БАЙТУГАН

Müdürün adresi — **Odyńca 35, Warszawa (12), Pologne** — Адрес редактора

Mecmua idarehanesinin adresi — 1, Square Léon Guillot, Paris (15), France — Адрес администрации журнала

Druk. Gr. P. Szwede Warszawa